

№3⁽⁶⁾
Март 2006

РУССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ГРИБОЕДОВЦЫ
В ТЕАТРЕ НАЦИЙ

С «ПОЛСЕДЬМОГО»
ГОДА Я СВИХНУЛСЯ
НА ТЕАТРЕ

«НЕ НАДО ЗАВОДИТЬ
АРХИВА...»

Внешторгбанк
энергия успеха

www.vtb.ru

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

Главный редактор
Александр Сватиков

Редакционная коллегия
Вера Церетели, Алла Беженцева,
Инна Кулишова, Арсен Еремян,
Нелли Узнадзе

Художник-дизайнер
Ираклий Кипиани

Технический редактор
Давид Абуладзе

Допечатная подготовка
Давид Курхули, Алена Деняга

№3
(6)
Март 2006

Адрес редакции:
Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2;
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru

www.russianclub.ge

СОДЕРЖАНИЕ

ЗНАЙ НАШИХ!	ГРИБОЕДОВЦЫ В ТЕАТРЕ НАЦИЙ	4
РУССКИЙ ДУХ	СУДАРЫНЯ МАСЛЕНИЦА	8
ПРЕЗЕНТАЦИЯ	МУЗЫКАЛЬНЫЕ ВЕРШИНЫ ТЕНГИЗА ДЖАИАНИ	10
ДИАЛОГ С МАСТЕРОМ	КУДЕСНИК В РАНГЕ КОМАНДОРА	13
НАГРАЖДЕНИЕ	ПИШЕМ ХРУСТАЛЬНЫМ ПЕРОМ	15
ДИАЛОГ КУЛЬТУР	ИОСИФ БРОДСКИЙ И ГРУЗИЯ	16
ЛЕГЕНДАРНЫЙ	С «ПОЛСЕДЬМОГО» ГОДА Я СВИХНУЛСЯ НА ТЕАТРЕ	20
	«ТИФЛИССКИЙ ВИННЫЙ ПОГРЕБЪ»	26
ЛЕНТА ПАМЯТИ	«НЕ НАДО ЗАВОДИТЬ АРХИВА...»	28
СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ	О, МАРУСЯ!..	32
МУЗЫКАЛЬНЫЕ ОТКРОВЕНИЯ	ПОД МУЗЫКУ ПЬЯЦЦОЛЛЫ	36
НАЧАЛО	ИГРАЕМ СОФТБОЛ	40
	ФЛАГМАН РОССИЙСКОЙ АВИАЦИИ	42
ШЕДЕВР	ВРУБЕЛЬ	44
О, СПОРТ!	СЛАВА НЕ ПОКИНЕТ ТЕБЯ	48

ГРИБОЕДОВЦЫ В ТЕАТРЕ НАЦИЙ

Эхо 160-летнего юбилея Тбилисского русского театра имени А. С. Грибоедова докатилось до Москвы. Среди торжеств юбилейного вечера в Тбилиси Государственный Театр Наций, а точнее, его директор Михаил Михайлович Чигирь преподнес театру большой подарок - приглашение грибоедовцев с новым детским спектаклем на гастроли в Москву. Гастроли организованы Федеральным агентством по культуре и кинематографии Российской Федерации, Международным культурно-просветительским союзом «Русский клуб» при поддержке Внешторгбанка и Посольства РФ в Грузии.

«В Москву, в Москву!» - этот девиз чеховских трех сестер жив и поныне для многих граждан постсоветского пространства. Гастроли были назначены с 24 по 27 февраля. Соответственно, прилет актеров 23 февраля. А в России эта дата по сей день в чести - прежний День Советской Армии теперь называется Днем защитника Отечества, а в простонародье это по-прежнему мужской праздник с поздравленьями и подарками от женщин в преддверии Международного женского дня. Россия отмечала День защитника широко, выходные сдвинули, и в результате всем были подарены три выходных.

Вечерняя Москва 23 февраля встретила фейерверком огней и непривычно пустынными улицами – ни обычных пробок на дорогах, ни переполненных вагонов метро, ни спешащих горожан. Трудящиеся отдыхали. В том числе и в театре. На первый дневной спектакль к Театру Наций не спеша стекалась публика. В советское время москвичи знали его как филиал МХАТа, а те из новых зрителей, кто были здесь первый раз, сначала осматривали здание. Оно заслуживает того, чтобы приглядеться к нему повнимательней.

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Это историческое театральное здание, выстроенное на земле купцов Бахрушиных в Петровском переулке, в самом центре Москвы, недалеко от площади Пушкина. Главный фасад здания сохранился с 1885 года до наших дней почти неизменным. Оно буквально притягивает к себе необычной архитектурой – красный кирпич, причудливый орнамент кладки, башенки, кокошники, типично псевдорусский стиль. На фасаде красуется оригинальный орнамент, он был восстановлен недавно во время реконструкции.

Ну, а для театралов здание интересно тем, что с 1885 года в нем размещался крупнейший российский частный театр – Русский драматический, более известный как театр Корша. Федор Адамович Корш, русский театральный деятель и антрепренер в 1882 году решил основать свой театр. Пока не было своего здания, три первых сезона театр обитал в Камергерском переулке, в том самом доме, где через 20 лет возник Московский Художественный театр. Здание театра Корша строилось по проекту Чичагова, причем было закончено в рекордные для такого сооружения сроки – всего за три месяца и 25 дней! Театр Корша был одним из самых известных театров в Москве, очень успешным, он составлял конкуренцию Императорскому Малому

театру. Спектакли театра славились сильным актерским составом, на его сцене играл К.С. Станиславский и многие выдающиеся русские актеры. Корш в своей предпринимательской деятельности умело сочетал просветительское и коммерческое начала. Его опыт и созданный им тип театра очень мог бы пригодиться сегодняшним продюсерам...

Еще это здание знаменательно тем, что именно здесь дебютировал Чехов как драматург. Корш предложил молодому автору написать пьесу на выгодных условиях, и вскоре на афише театра появились теперь уже известные всем названия: «Иванов», «Медведь», «Свадьба». Более того, именно в этих стенах из красного кирпича произошла историческая встреча Станиславского и Чехова. Чем она закончилась – всем известно. Видимо, ничего не бывает случайным.

После революции с 1925 года театр стал государственным и назывался «Комедия», здесь выступал МХТ Второй под руководством Михаила Чехова, а с 1932 года, когда театр «Комедия» был закрыт, в нем разместился филиал МХАТ. Во времена СССР эта сцена была хорошо знакома актерам-грибоедовцам: здесь в 1958 году в рамках Декады литературы и искусства Грузии в Москве с успехом проходили гастроли театра, где были показаны четыре его лучших спектакля. В 1992 года здание было передано Театру Наций, который был основан в 1987 году под названием Театр Дружбы народов. Он был призван объединить обширное театральное пространство СССР, у которого общие корни и одна театральная школа. Когда Союз распался, театр получил нынешнее название – Государственный Театр Наций. Но то, ради чего он был создан, остается приоритетом и сегодня, разве что география сильно расширилась. Театр занимается организацией гастролей, подготовкой и проведением фестивальных программ и осуществляет

самостоятельные постановки, при том, что его большой зал находится на реконструкции. Несмотря на все сложности существования, Театр Наций прочно вписался в контекст культурной жизни Москвы. Из нашей беседы с его неизменным директором и, можно сказать, основателем – Михаилом Михайловичем Чигирем, выяснилось много интересных подробностей сложного организационного и творческого процесса театра.

Еще одна интересная деталь. В этом театре очень заметен грузинский след. Свое открытие 1 февраля 1988 г. тогда еще Театр Дружбы народов отпраздновал в Большом театре спектаклем Тбилисского театра оперы и балета «Музыка для живых» Гии Канчели в постановке Роберта Стуруа. В «золотом фонде» Театра Наций еще один спектакль Стуруа «Король Лир» театра им. Руставели и «Макбет» в постановке Темура Чхеидзе в БДТ.

«ЧИПОЛЛИНО» В ТЕАТРЕ КОРША

Ожидать газетных театральных критиков-интеллектуалов на детский дневной спектакль «Чиполлино» было бы слишком опрометчиво. И, слава Богу, потому как московские критики вполне отвечают своей профессии – они главным образом критикуют. Благо в любом спектакле зацепок много – то режиссер не ту концепцию выдал или актер не так сыграл, то декорации скучные или наоборот слишком богатые, а то музыкальное оформление не отвечает замыслу, не говоря уж о сценическом движении. Никаких таких разборов в нашем случае не было. Хотя известные критики присутствовали, но в качестве друзей. А главный критик детского спектакля – дети. Для них театр – это всегда праздник.

И готовились они как к празднику. Старшие прихорашивали перед зеркалами малышей, кое-кто даже

менял зимние сапоги на туфельки, а одна девочка лет шести упрекала свою бабушку, что та оказалась не предусмотрительной и не взяла в театр ее новые туфли. Но во время спектакля детям уже было все равно, они не видели ничего, кроме сцены. Тем более, что приключения Чиполлино их явно заинтересовали – стремительность, динамичность мизансцен, броские, интересные костюмы овощей и фруктов, смешные пантомимические сценки и очень много музыки и танцев. В выражении чувств дети не стеснялись – сидя на своих местах, они жестикулировали, копируя актеров, хлопали в такт музыки, участвовали в сюжетных перипетиях, громко подсказывая героям, где Чиполлино или куда делся домик Тыквы. А после спектакля самые любопытные шли за кулисы, разыскивали Чиполлино, спрашивали, где Помидор, хотели потрогать костюмы, что-то спросить.

За кулисами после первого спектакля было не толкнуться. Зрители разошлись, но остались главные гости. На встречу с артистами пришли все бывшие грибоедовцы, живущие сейчас в Москве – Ариадна Шенгелая, Нелли Килосанидзе, Ефим Байковский, Марина

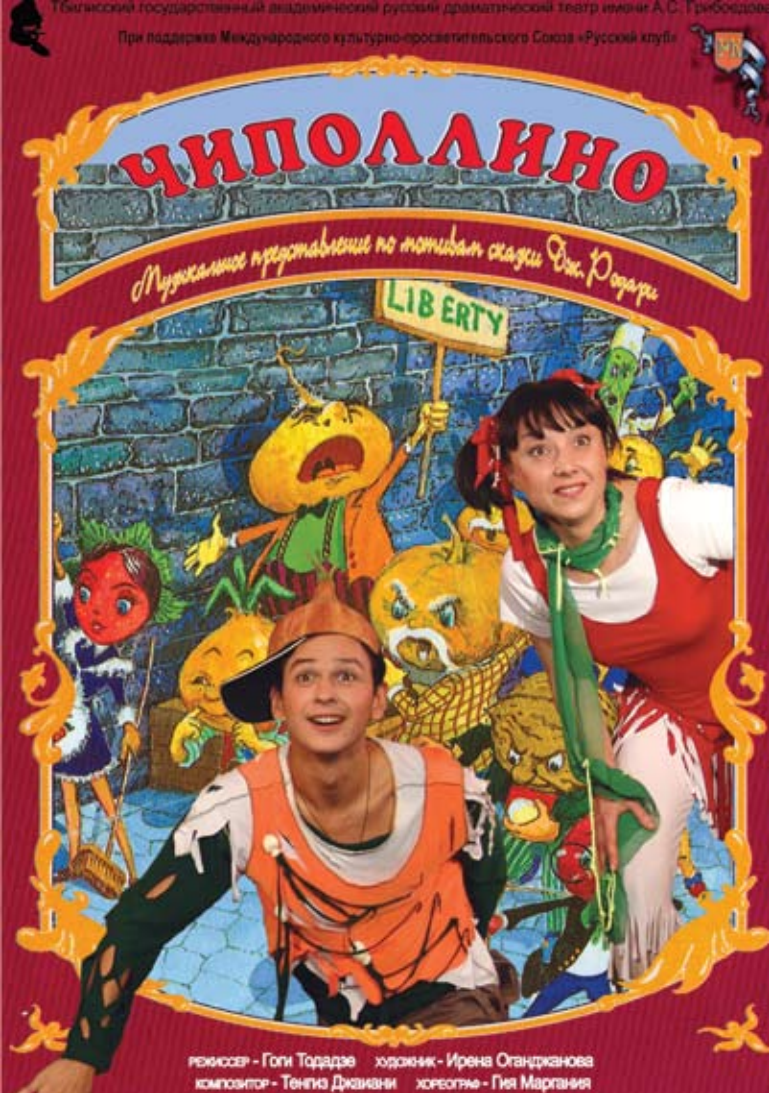
Николаева, Ираида и Заур Квижинадзе, Элизбар Кухалейшвили, пришли те, кто очень давно работал в театре, кто даже не числился в актерском составе, помреж, технический персонал – все, кто называли себя грибоедовцами. Были даже родственники людей, когда-то работавших в театре. Все они скучают по Тбилиси, а тбилисцы по Москве. Для артистов Грибоедовского – приезд в Москву это праздник. Для старшего поколения это встреча с друзьями, коллегами, как они говорят, приятные и грустные чувства при встрече близких, родных людей. А для молодых артистов эти гастроли нечто более значительное, ведь многие из них впервые попали в Москву.

Гостей из Тбилиси еще и одарили подарками. Перед началом последнего спектакля на сцену вышли два человека: Наталья Старосельская, координатор проектов Центра поддержки русских театров за рубежом Союза театральных деятелей России и генеральный директор театра им. Грибоедова Николай Свентицкий – главный зачинщик и организатор юбилейных торжеств театра, гастрольных поездок, а заодно и президент Международного культурно-просветительского союза «Русский клуб», тесно сотрудничающего с театром им. А. С. Грибоедова. Наталья Старосельская от имени Центра поддержки русских театров за рубежом преподнесла театру сюрприз: для артистов грим и специальный клей для наклеивания усов и бород, а для театра сценическую машинерию: машину для распыления конфетти, для производства снега и мыльных пузырей. Эти три машины на сцену, естественно, она вынести не могла, поэтому вместо торжественного вручения машин было не менее торжественное вручение их паспортов. Таким образом, можно считать, что мы приобрелись к новейшим технологиям, и с мыльными пузырями теперь будет полный порядок.

ГРУЗИНСКИЙ СЛЕД В МОСКВЕ

Удивительное совпадение: первый день гастрелей Грибоедовского 24 февраля совпал с сольным концертом Элисо Вирсаладзе в зале Чайковского, а последний день гастрелей 27 февраля – с открытием персональной выставки Зураба Церетели в Манеже, самом крупном выставочном пространстве художников. И о том, и о другом я узнала в день приезда от своих коллег. Говорю по телефону со знакомой, которая работает в Госфилармонии. Спрашиваю, что в ближайшие дни у них интересного, нет ли концертов грузинских солистов или коллективов. Говорит, к сожалению, нет, ничего такого не предвидится. - А что у вас сегодня? - Сольный концерт Элисо Вирсаладзе. - А она, что, не грузинка? - обалдело спрашиваю я. - Но она же наша, филармоническая, солистка Госфилармонии.

Не пойти на «солистку Госфилармонии» было невозможно, тем более, что место оставили. Подхожу к залу Чайковского, у входа народ, спрашивают лишний билетик. Приятно. В зале действительно свободных мест нет, заполнены все ярусы, кто-то пристроился на ступеньках, кто-то на места опоздавших. Из ложи

дирекции свободно можно было наблюдать за залом – эта привычка осталась со студенческих времен. Дело в том, что одновременно с нами в ГИТИСе на заочном отделении театроведческого факультета учился уже немолодой директор зала Чайковского, и мы, гитисовцы, частенько заполняли эту ложу на самых недоступных концертах. Сейчас другое поколение и дирекции, и студентов, но ложи все те же.

В этот вечер в программе были произведения Шопена. Вирсаладзе демонстрировала свойственную ей легкость и глубину, и знакомые произведения звучали у нее по-особому, как-то иначе. Моментами в зале возникала электризованная искра, зажигающая зал одновременно, и возникало ощущение некоего родства. Родства понимания. Аплодисменты тоже были особые. Об исполнении на бис, и говорить излишне. После концерта просто хотелось летать.

Открытие персональной выставки Зураба Церетели в Манеже, пожалуй, было не менее многолюдным, чем зал Чайковского, хотя вход в Манеж, самый престижный выставочный зал Москвы, был строго по приглашительным билетам – с охраной, металлоискателями, все, как полагается. До этого была пресс-конференция – с телекамерами, микрофонами и тоже без свободных мест. Зато вопросы были свободными.

В частности, кто-то спросил, как художнику удается сохранять душевное равновесие при такой разногласии мнений о его творчестве. В ответ он процитировал Дали: «Что-то не ругают последнее время – забыли». Тут Церетели прав – для творческого человека главное

внимание. А мнение, что оно? Сколько людей, столько и мнений. Но забвение Церетели не грозит – его скульптуры и монументальные памятники обсуждают на каждом углу, в том числе люди, имеющие смутное представление об искусстве вообще, и о творчестве Церетели, в частности. В этом смысле он воплотил забытый уже лозунг советских времен «искусство для народа». Народ почти счастлив своей причастностью к искусству. А неоднозначность восприятия его творчества только повышает интерес широкой публики.

Главное преимущество журналистов состояло в том, что можно было спокойно осмотреть выставку до основного нашествия гостей, а потом это было уже совершенно нереально. В экспозиции было представлено около 1500 работ – это ретроспектива произведений художника разных лет, включая самые последние. Скульптура, графика, живопись, эмали, декоративные панно, дизайнерские проекты, прикладное искусство.

Связав впечатления в тугой узел, пробираюсь ближе к выходу, вижу Майю Кобахидзе, экс-замминистра культуры Грузии, а ныне начальника Управления современного искусства Федерального агентства по культуре и кинематографии РФ. Именно их агентство

финансировало гастроли грибоедовского театра по заявке Театра Наций. Естественно, разговор зашел и о гастролях. «Да, мы работаем с Государственным Театром Наций в рамках программы поддержки русских театров за рубежом, - сказала Кобахидзе. - В основном, это гастроли в России русских драматических театров ближнего зарубежья».

- Напряженность российско-грузинских отношений никак не повлияла?

- Ну, какое это имеет отношение к театру.

Как видно, политика и искусство не пересекаются. Было бы совсем замечательно, если бы их удалось пересечь вот в таком контексте – «искусство политики».

ВЕРА ЦЕРЕТЕЛИ

СУДАРЫНЯ МАСЛЕНИЦА

Масленица – исконно русский праздник. Большинство из нас знают только то, что на Масленицу пекут блины. Но традиции этого веселого праздника гораздо шире. Масленица на Руси праздновалась еще в дохристианские времена и была языческим праздником проводов зимы, встречи весны и началом земледельческих работ. Совпала она с днем весеннего солнцеворота и прославляла языческого бога Велеса, покровителя скотоводства и земледелия. Для славян Масленица долгое время была еще и встречей Нового года, потому что до XIV века новый год начинался с марта. Отсюда и обычай праздновать Масленицу широко и щедро, ведь по поверью, как Новый год встретишь, так весь год и проживешь. Пожалуй, это самый древний и самый веселый народный праздник.

С принятием на Руси христианства, Масленицу стали праздновать в последнюю неделю перед Великим постом. И праздник этот приобрел еще один смысл. Помните пословицу: «Не все коту Масленица, будет и Великий пост»? В эту неделю, по православным традициям, уже нельзя есть мясо, но еще можно сыр, масло, яйца, рыбу.

Праздник Масленицы был связан с культом нарождающегося солнца отсюда и традиционные блины. Круг-

лые, горячие, золотистые, они представляют собой как бы миниатюрные изображения нашего светила. К тому же настоящие русские блины имеют красный цвет.

«Блины – символ солнца, красных дней, хороших урожаев, ладных браков и здоровых детей», – писал А. Куприн.

Со временем Масленица утратила мистический смысл и превратилась в массовое народное гулянье, посвященное проводам зимы.

Семь дней Россия звенит бубенцами, кричит гармошками, горит пестрыми красками нарядов. Народ провожает надоевшую зиму, встречает долгожданную весну. Но самое главное – это блины! С пылу, с жару подаются они на стол. С маслом, с медом, со сметаной, с икрой, с грибами, с севрюжиной или осетриной – выбирай на любой вкус. Где вы сможете прокатиться на расписных санях так, чтоб захватило дух? Спуститься с огромных ледяных гор? Покружиться на гигантских каруселях? Закружит вас «Широкая Масленица» в танцах и хороводах – ноги сами пойдут плясать под задорные частушки и прибаутки. А шуты и скоморохи насмешат до слез. В балаганах и театрах – представления без конца. А тот, кто не хочет остаться просто зрителем на этом празднике, может поучаствовать в маскараде.

Масленица для русских – все равно, что карнавал для итальянцев, тем более, что и первоначальный смысл праздников один и тот же: ведь в переводе с итальянско-

го «карнавал» (carne-vale) означает «говядина, прощай!», а Масленица, предшествующая Великому посту, встарь называлась «Мясопустом», потому что в эту неделю запрещалось есть мясо, а молочные продукты еще можно употреблять – вот и пекут блины масляные.

Масленица – самый веселый, шумный народный праздник. Каждый день недели имеет свое название, а название говорит о том, что в этот день полагается делать. Конечно, сейчас мало кто соблюдает все обычаи и обряды, но узнать о них будет интересно.

Вся же неделя именовалась «честная, широкая, веселая боярыня-Масленица, госпожа Масленица».

С «чистым» понедельником связано представление о том, что необходимо как можно дольше спать и позже встать утром, чтобы вырос хороший лен. Женщины готовили опару, приступая к стряпне блинов, прибегали к особым обрядам. Готовить первую опару доверяли только старшим, самым уважаемым в семье женщинам, хорошим стряпухам. Часто в тесто вместо воды добавляли снег, надеясь на животворящую силу мартовской влаги. В этот же день, по русскому обычаю, тещи приходили к зятям в дом учить своих дочерей печь блины и при этом «поучить уму-разуму».

В среду на «лакомки» теща обязательно приглашала к себе зятя с молодой супругой. Этот визит обставлялся обычно очень торжественно. Молодоженов принимали с величайшим почетом. Во время угощения теща особенно старалась угодить дорогому зятю.

В пятницу устраивались «тещины вечерки»: с почетом зять приглашал на обед или ужин тещу со всей родней. А в субботу, на «золовкины посиделки», невестка приглашала к себе родных мужа и одаривала своих золовок подарками.

Кроме молодых и их семей, масленичные визиты считались обязательными также для кумовьев. Родители новорожденных детей ходили к кумовьям «с отвязем», т.е. приносили им специально для масленицы испеченный с изюмом и украшенный вензелями пшеничный хлеб – «прощенник». Кум и кума, в свою очередь, также наносили визит крестнику и приносили свои подарки. Кумовьев непременно сажали за стол и щедро потчевали «за здоровье крестника».

Кульминационным моментом всего праздника были проводы масленицы. Они совершались в последний день – «прошеное» воскресенье.

Разжигались яркие костры, изготавливались огромные соломенные чучела, которые наряжали «по-бабски» – в яркие юбки, кофты, платок нарядный повязывали, да и возили в саних, приветствуя и чествуя «Сударыню – Масленицу». А затем, под хохот и веселье сжигали чучело. Здесь необходимо отметить, что понятие «Чучело Масленицы» имеет несколько ошибочный характер, поскольку в действительности изготавливалось «чучело Зимы», его катали, его провожали и сжигали, но, поскольку это действие происходило на Масленицу (то есть праздник), то очень часто чучело ошибочно называют Масленицей, хотя это неверно.

В костер бросали также и старые вещи, остатки праздничной еды, что символизировало похороны зимы, всего отжившего, старого, вместе с тем – обновление природы, новых сил плодородия.

Через костер прыгали, вокруг него ходили и пели долгие песни. Вечером после колокольного звона, который служил сигналом к концу масленичного веселья и началу Великого поста, все родственники, соседи, близкие и знакомые начинали просить друг у друга прощение за все причиненные обиды и неприятности: они низко, до земли, кланялись друг другу и говорили: «Прости, Христа ради, в чем я перед тобой согрешил», а им отвечали: «Прости и ты меня». «Прощаться» непременно ходили родственники к старшему роду; а завершалось «прощание» поцелуем и низким поклоном.

С Масленицей, как с переломным временем года, связывались различные приметы о погоде и урожае. Так, например, считали, что ненастье в воскресенье перед

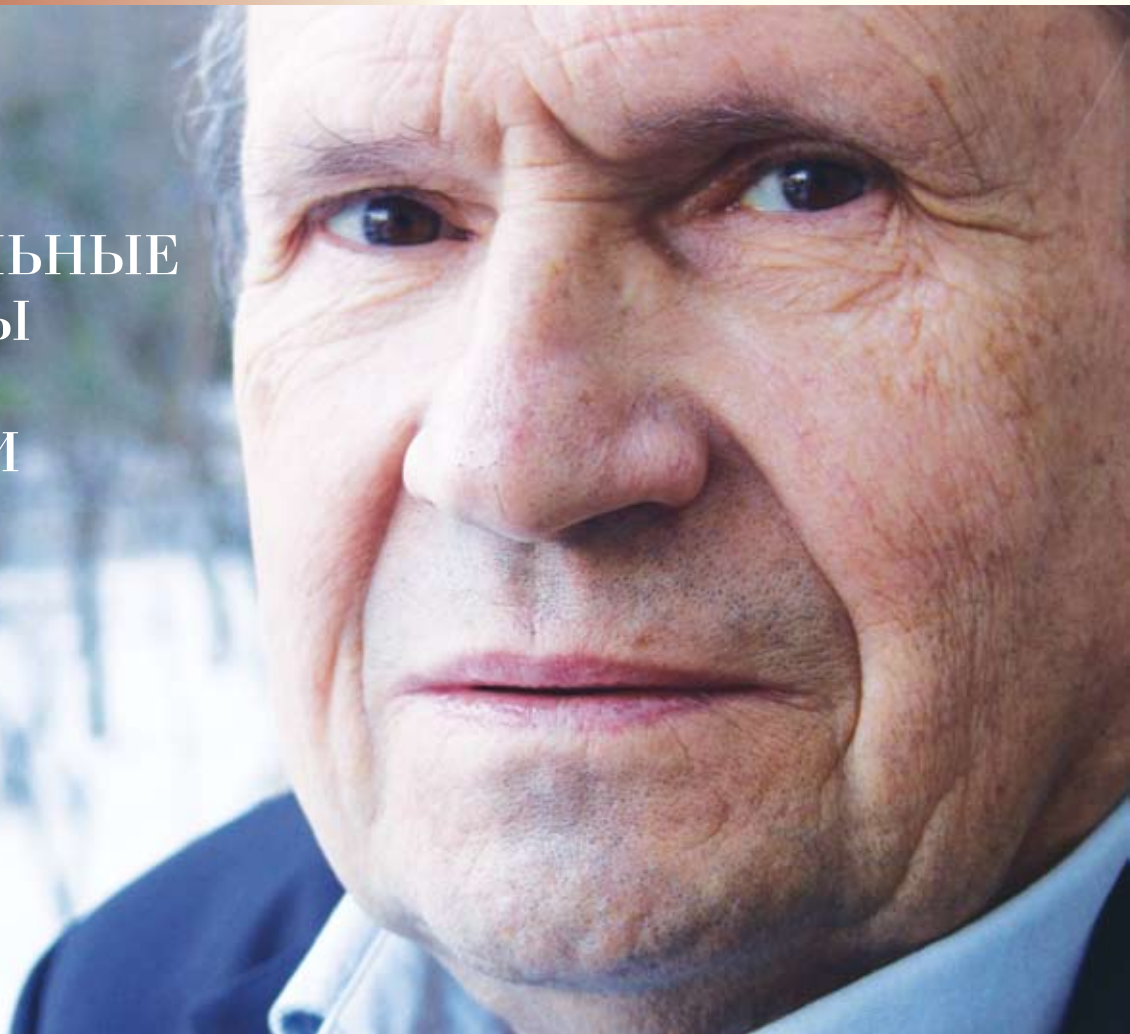
Масленицей или оттепель с заморозками в прощенный день сулят урожай грибов, а снег на Масленицу предвещает урожай гречихи. Метель в первый день Масленицы считали знаком того, что и вся сырая седмица будет такой («Помело метлой на Масленицу; придет государыня Масленица метельная»); а если при встрече Масленицы, в первый день праздника, зародился новый месяц («окунул рог в масло»), то это считали хорошим предзнаменованием, сулящим богатый урожай и сытую жизнь в течение всего года.

Проходили века, менялась жизнь, с принятием на Руси христианства появились новые, церковные праздники, но «Широкая Масленица» продолжала жить. Ее встречали и провожали с той же неудержимой удалью, что и в языческие времена. Масленицу в народе всегда любили и ласково называли «касаточка», «сахарные уста», «целовальница», «честная масленица», «веселая», «перепелочка», «перебуха», «объедуха».

Уходит Масленица, а вместе с ней и зима. Уходит под звук капли. Весна вступает в свои права.

АЛЛА БЕЖЕНЦЕВА

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ВЕРШИНЫ ТЕНГИЗА ДЖАИАНИ

Когда композитор Тенгиз Джаиани после долгого перерыва вдруг позвонил своему старому другу Раймонду Паулсу и представился, тот мгновенно изменил всегдашней прибалтийской невозмутимости - бурно отреагировал, дав волю эмоциям: «Беби, ты?! Да не может быть! Как ты живешь, какими судьбами?!» А узнав о том, что готовится к выпуску компакт-диск с произведениями Джаиани, обрадовался еще больше: «Да о тебе давно книгу нужно написать!» И стал автором представления CD, выпущенного международным культурно-просветительским союзом «Русский клуб»: «В новый альбом Тенгиза Джаиани вошли произведения, созданные и записанные им в разные годы. Это совершенно не похожие друг на друга по характеру произведения - такие, как джазовая обработка хевсурской народной мелодии и парафраз на тему «Только тебе одной», веселье «Шалуны» и «Память о любви», «Наши мальчишки» и «Дели-Деласа». Каждое из этих произведений, да и все остальные, которые составили этот альбом, написаны в разное время, под разными впечатлениями, в разных стилях, но объединяет их одно - они написаны большим мастером. Их характеризует мелодичность, богатая гармония, лиричность, великолепное знание оркестра и то мастерство, которым владеет Тенгиз. Я рад воспользоваться случаем и сказать пару теплых слов моему старому-старому другу и пожелать ему дальнейших успехов в творчестве и большого счастья в личной жизни.

...Когда-то Тенгиза Джаиани, обычного тбилисского паренька, называли чемпионом по медленному хождению (это

удивительно, так как сегодня он поражает окружающих кипучей энергией). Известная старожилам биржа находилась возле магазина знаменитых «Вод Лагидзе». На путь от нее до площади Ленина и обратно у Беби уходило...целых два часа. Именно столько времени было необходимо, чтобы пообщаться с многочисленными знакомыми, встречавшимися на этом отрезке проспекта Руставели...

- А сейчас пройдешь - ни одной знакомой души! - сетует Т. Джаиани. - Будто живешь в чужом городе. Тбилиси просто не узнать. И дело не в изменившемся внешнем облике - трансформировалась его внутренняя сущность, душа города. Недавно встретил человека, лицо которого показалось мне знакомым, и буквально бросился ему на шею, расцеловал. Но так и не вспомнил ни его имени, ни фамилии.

Тенгиз вырос в рафинированной музыкальной семье: отец был дирижером, мать - композитором, музыковедом, так что о другом, «немузыкальном» пути для мальчика никто в семье и не помышлял. Учился на хоро-дирижерском отделении музыкального училища, затем поступил на оркестровое отделение Тбилисской государственной консерватории имени В. Сараджишвили. Еще не окончив ее, оказался в оркестре «Рэро».

«Крестным» Джаиани стал не кто иной, как Гия Канчели. Композитор очень дружил с Константином Певзнером, руководителем «Рэро». Когда оркестр был уже почти сформирован и не хватало только пианиста, объявили конкурс. И Гия Канчели предложил кандидатуру Джаиани...

- В те годы мы очень увлекались джазом, слушали ночные передачи «Music USA», которые вел известный историк джаза Уиллис Канувер, - вспоминает Джаиани. - Помню, как во время учебы в консерватории мы собрали джазовый квартет - рояль, кларнет, ударные и контрабас. На Новый год вместе с тремя девочками-вокалистками подготовили программу и на карнавале устроили концерт джазовой музыки. Все были в восторге... А на другой день меня вызвал ректор консерватории Иона Ираклиевич Туския. Обратился официально: «Батона Тенгиз! Я сам с удовольствием слушаю джаз, но в стенах консерватории такого не потерплю. Еще один подобный карнавал, и нам с вами придется расстаться!» Я подчинился. А что было делать? А в 1959 году меня пригласили в Государственный эстрадный оркестр «Рэро»... В этом коллективе я проработал восемнадцать лет. Пока меня не назначили художественным руководителем эстрадного оркестра радио и телевидения. Я согласился, потому что к этому времени у меня уже появились семья, двое детей, и бесконечные гастролы были слишком изнурительны...

Однако именно эти восемнадцать лет в жизни Джаиани оказались самыми наполненными, яркими, богатыми на впечатления. Особенно запомнилась поездка во Францию. В 1966 году, в разгар «холодной войны», это было событием невероятным!

- В те времена во Францию выезжали только дипломаты и шпионы! - шутит он. - Бруно Кокатрикс, организатор всемирного фестиваля мюзик-холлов, директор известного парижского концертного зала «Олимпия», при-

ехал в Советский Союз подбирать артистов. Он объездил всю страну, прослушал все эстрадные оркестры, но остановил свой выбор на нас, а также на солистах Сулико Корошинадзе, Гие Чиракадзе и Нанули Абесадзе. С нами тогда выступала и восьмилетняя Ирма Сохадзе. Бруно Кокатрикс услышал в ее исполнении джазовые произведения из репертуара Фрэнка Синатры и Эллы Фицджералд и был покорен!

Перед поездкой музыкантов вызвала к себе министр культуры Екатерина Фурцева, предупредила, как вести себя в «загнивающем капиталистическом обществе»... А по приезде во Францию Бруно Кокатрикс ушам своим не поверил: на репетиции Ирма Сохадзе исполняла отнюдь не джазовые произведения, а детские песни - по распоряжению Фурцевой. Страшно возмутился. Но позднее удалось таки добиться того, чтобы маленькая девочка выступила с «зарубежным» репертуаром - правда, это были не американские, а итальянские песни.

Публика, собравшаяся в «Олимпии», стонала от восторга. Долго не отпускала грузинских артистов. Приходила за кулисы. Среди них было много русских и грузинских эмигрантов.

- В Париже пробыли около сорока дней. Это было незабываемое время! Концерт заканчивался в двенадцать - в начале первого ночи. Имея какую-то языковую базу, я научился изъясняться по-французски. Через весь Париж, Елисейские поля шли на Монмартр. Заходили в кабачок «Коррида», который славился широким ассортиментом пива... Возвращались домой под утро, в полумертвые от усталости... А в половине девятого я уже открывал глаза: «Как можно спать в Париже, терять время на сон?» Вскатывал и снова выходил на улицу... И тем не менее я тосковал по Тбилиси, по своей улице Грибоедова, итальянскому двору, в котором возле крана стояла ничейная тахта. На ней мы с приятелями пили пиво и закусывали его лещом и воблой... Так вот, в Париже, после Елисейских полей и Больших бульваров, после роскошных магазинов и тщательно вымытых стиральным порошком тротуаров, мне вдруг так захотелось в этот самый двор, на эту самую тахту... А «Рэро» объездил почти всю Европу - мы были в Чехословакии, Польше, Германии, Венгрии... Не говоря уже о городах Советского Союза.

Чем выделялся оркестр среди других коллективов? Чем объясняется его успех?

По словам Т. Джаиани, это заслуга Константина Певзнера, который точно чувствовал, что сегодня нужно исполнять, чтобы быть интересными и молодежи, и более зрелым по возрасту слушателям. Поэтому на концерты «Рэро» приходили зрители разных поколений. Оркестр исполнял как отечественные, так и американские произведения - из репертуара Каунта Бейси, Дюка Эллингтона, Стена Кентона. И зал после нежных грузинских мелодий буквально сотрясаясь от джазовых композиций...

Позднее создали что-то вроде мюзик-холла: к оркестру присоединились шестнадцать тщательно отобранных девушек. В концертную программу были вкраплены и юмористические номера Картлоса Касрадзе, Ги Чиракадзе. С нами выступали все звезды - Нани Бреговдзе, Лили Гегелия, Этери Челидзе, Сулико Корошинадзе, Темура Цкетишвили, Нико Чадуришвили, Гено Онашвили, Манана Менабде, Зураб Цискаридзе, Темура Цагурия... Словом, все таланты собрались в нужное время в нужном месте.

Джаиани вначале был просто пианистом-концертмейстером, занимался аранжировкой. Работать приходилось много. Пока шли гастролы, уже готовилась следующая

программа. Потом Тенгиз Джаиани начал дирижировать – сначала своими произведениями, а потом и другими. Стал музыкальным руководителем оркестра...

– В «Рэро» у меня было больше творческой свободы, чем в тот период, когда я возглавлял оркестр телевидения и радио. Каждое произведение, стихи, автор проверялись. Не дай Бог, проскочит что-то крамольное... Случались и курьезы: однажды в «неблагонадежные» записали самого Важа-Пшавела. Возглавляемый мной оркестр выступал на телевидении, радио, участвовал в выездных концертах. В Ереване, на всесоюзном фестивале мы заняли первое место...

Но при этом Джаиани приходилось переживать постоянные стрессы. Никуда не годилась аппаратура, и с этим была связана нервотрепка. В результате – обширный инфаркт. Тогда Джаиани было всего 39. И он был вынужден уйти из оркестра радио и телевидения в... театр имени А. Грибоедова, куда был приглашен руководителем музыкальной части. В жизни Джаиани начался новый плодотворный этап – он написал музыку к сорока спектаклям: «Стакан воды», «Яма», «Закон вечности», «Золушка»...

– До этого времени я не видел себя в качестве композитора для театра. Хотя однажды написал музыку для спектакля Метехского театра Сандро Мревлишвили... А потом пошло-поехало. Стал со временем сочинять музыку даже для театра мюзикомедии – сегодня он называется театром музыки и драмы имени Васо Абашидзе. У каждого жанра свои секреты, которые со временем открылись и для меня. Одно дело – оркестровое произведение или песня и совсем другое, когда музыка связана с каким-то действием, определенным персонажем, вступающим в определенные отношения с другими героями. При этом все должно быть выдержано в едином стиле... Сегодня я с удовольствием работаю в жанре мюзикла.

– Как вы считаете, почему мы не можем достичь в этом жанре уровня американцев?

– Американцы любую, самую незначительную мелодию могут так преподнести, так разукрасить! У них для

этого есть средства, и они их не жалеют для получения максимального результата, феерии. Хотя у нас вовсе не менее способные композиторы и исполнители. Просто когда ставится какой-то мюзикл и на складе подбирают старые

костюмы, чтобы, не дай Бог, не потратить лишнюю копейку, хорошего спектакля не жди. До тех пор, пока мы не научимся делать музыкальное зрелище таким, каким оно должно быть, ни о каких шедеврах не может быть и речи... И еще. Не стоит переносить на нашу сцену американские мюзиклы – все равно получишь нечто вторичное, и сравнение с оригиналом не в нашу пользу. Мои любимые американские мюзиклы – «Моя прекрасная леди», «Иисус Христос – суперзвезда», «Чикаго»... Но нужно стремиться создавать свое, хотя существуют еще и законы жанра. А выдумывать что-то свое, новое, оригинальное всегда очень трудно.

И тем не менее Джаиани делает эту трудную работу, создает свое, оригинальное – всем запомнилась его музыка к спектаклю Инги Гаручава и Петра Хотьяновского «Превращения в Лукоморье», который шел на сцене театра имени А. Грибоедова. На международном фестивале детских спектаклей, посвященных юбилею Пушкина, она получила высшую награду. За этой работой последовала новая – мюзикл «Чиполлино» по Джанни Родари... Джаиани часто является автором музыкального решения разных юбилейных вечеров, организуемых Центром российской культуры в Грузии и международным культурно-просветительским союзом «Русский клуб», – Есенина, Пастернака, Заболоцкого.

– А почему вы больше не пишете песен для современной эстрады?

– Сейчас в грузинской эстраде идет поиск. Пока не найдены интересные направления, эстрада переживает глубокий кризис. Определенная группа людей, поддерживающих друг друга, близко не подпускает в эту сферу «посторонних». Причем все, что они сами предлагают зрителям, чаще всего очень сомнительного качества.

Я работаю сейчас во втором музыкальном училище, заведую эстрадным отделением. Из 300 студентов этого учебного заведения 90 хотят стать эстрадными артистами! Кстати, почти все песенные конкурсы выигрывают наши студенты или выпускники. А выпускники инструментального профиля работают по своей специальности в разных странах Европы, в США и Канаде. Это говорит о многом... Что касается Грузии, то многие у нас сначала громко заявляют о себе, становятся лауреатами конкурсов, а потом исчезают с горизонта. Потому что очень трудно пробиться через оборонительные ряды тех, кто сегодня управляет нашей эстрадой. И потом: никому не нужна профессиональная музыка. Как правило, новоявленные ансамбли сами пишут, сами играют, записывают... и сами же сгорают. Так что у меня просто нет никакого желания писать. К тому же я сторонник того, что песни должны писаться на стихи, а не наоборот...

– Какие произведения вошли в ваш диск?

– Только то, что сохранилось, – это и оркестровые пьесы, и песни 70-80-х в исполнении Инги Перадзе, Темура Цагурия, Гоги Долидзе, джазовой певицы Гулико Чантурия, музыка из мюзиклов «Превращения в Лукоморье» и «Чиполлино». Это результат моей полувековой работы.

– И как вы изменились за это время?

– О, у меня трое внуков, так что начался мой очередной, не менее интересный жизненный этап – этап молодого дедушки! С удовольствием осваиваюсь в новой роли.

ИННА БЕЗИРГАНОВА

КУДЕСНИК В РАНГЕ КОМАНДОРА

Этого человека знают даже те, кому пока везло по жизни и не было необходимости попадать ему в руки. От травм, впрочем, никто не застрахован. И если уж приключится такая напасть, лучше Бичико Аскурава не поможет никто. В Грузии это известно всем. Да только ли в Грузии!

Когда несколько лет назад Нино Миминошвили сбила машина в Нью-Йорке, она уже давно считала себя американкой. С многочисленными тяжелыми ушибами головы и тела и очень сложным переломом предплечья Нино доставили в одну из ведущих клиник США - ELMBURT HOSPITAL. После выписки все вроде бы шло на поправку. Но вот предплечье срасталось плохо. Молодая женщина обратилась к известному врачу Мехрану Мануэлю. Тот наложил пластиковый аппарат, выполняющий ту же функцию, что и принятая у

нас гипсовая повязка, через некоторое время снял его и назначил физиотерапию.

- Врачи говорили, что со временем все войдет в норму, - рассказывает Нино. - Но боли не проходили, рука приняла серповидную форму. Я была вынуждена проконсультироваться у специалистов Ассоциации ортопедов. Один из них сказал, что все нормально. Другой счел, что фиксирующую повязку сняли раньше времени. А третий посоветовал сделать операцию.

Между тем, состояние больной продолжало ухудшаться. Деформация руки прогрессировала. Началось онемение пальцев. Нино ходила от одного «светилы» к другому. Но и прославленный доктор Аджой Синх, и доктор Кеннет Ковал из лучшей частной клиники США - HOSPITAL FOR JOINT DISIES настаивали на операции, правда, каждый предлагал свою методику.

Тогда Нино решила отправиться в Грузию. Уроженка Тбилиси, дочь известного футбольного арбитра, судьи международной категории Велоди Миминошвили, она, конечно, слышала о Бичико Аскурава, который помогал спортсменам при травмах.

- Я обратилась в клинику Аскурава и не ошиблась в выборе, - говорит женщина. - Там мне полностью восстановили руку, причем, в очень короткие сроки. Аскурава - настоящий волшебник.

Как утверждает сам врачеватель, никакого волшебства в его методе, конечно же, нет. Бичико Аскурава называет его «традиционным» в отличие от «классического», какой применяют в больницах. Переломанные кости в Грузии фиксировали дощечками испокон веков. Тбилисский целитель заменил их на более легкие и удобные алюминиевые пластинки. Что же касается чудодейственной мази, изготавливаемой на основе яичного белка, этому средству более 250 лет. Его использовали еще прадед Бичико Аскурава - Петре, дед Иван, еще один Петре, дядя по отцовской линии. В 1949 году секрет снадобья перешел к Давиду Аскурава, который, в свою очередь, передал его сыну - Бичико.

- Мазь, - рассказывает целитель, - во-первых, ускоряет процесс сращения костной ткани в несколько раз, во-вторых, снижает боль, в-третьих, не содержит никаких искусственных компонентов, не вызывает аллергии и других побочных явлений. Мне не пришлось слышать об аналогах нашей мази где-нибудь в мире, хотя за рубежом я, естественно, интересовался этим. В Грузии был известен кобулетский целитель

жить, что она ему поможет. Я же успешно лечу эти заболевания. Помню, много лет назад я лечил ребенка с туберкулезом кости. Прошли годы, и ко мне пришел его отец и попросил справку о том, что у мальчика действительно когда-то было это заболевание. Парню пришлось идти в армию, и медицинская комиссия не могла найти никакой патологии. Так что, методика непрерывно совершенствуется. Хотя состав мази остается неизменным.

С ее помощью тбилисский врачеватель буквально поставил на ноги, вернул к нормальной жизни почти 150 тысяч человек, и не только у себя на родине. Бывшие пациенты Аскурава живут в Израиле, Франции, Венгрии, Таиланде, России, Италии, многих других странах на всех континентах планеты. Есть среди них люди весьма авторитетные. Сейчас уже многие знают, что мэр Москвы Юрий Лужков не шутки ради пришел несколько лет назад с перевязанной ногой поздравить с юбилеем тогдашнего директора Московского цирка на Цветном бульваре Юрия Никулина. Харизматичный городской голова действительно повредил ногу. Но легко передвигался по манежу в повязке, наложенной Бичико Аскурава, давая многочисленным присутствующим и миллионам телезрителей простор для фантазии на тему о бриллиантовой руке и костяной ноге. К слову, травмированная нога неутомимого мэра быстро зажила, и Юрий Михайлович вскоре вернулся к своей обычной, очень активной жизни.

- Тогда, - вспоминает Бичико Аскурава, - по поручению Юрия Лужкова меня попросил приехать в российскую столицу известный скульптор Зураб Церетели. По роковой случайности, в то же время, когда мэр получил травму, сильно вывихнула руку и супруга Юрия Михайловича. Так что, я лечил их обоих..

У Бичико Аскурава лечились известные политики, деятели культуры, звезды шоу-бизнеса и спорта. К последним у него отношение особое. Ведь сам он в прошлом велогонщик, неоднократный чемпион Грузии, был председателем Федерации велоспорта страны. Впрочем, целитель не видит разницы между VIP-персонами и обычными людьми, когда они нуждаются в помощи. На отношение к больному не влияет ни его общественное положение, ни тяжесть его кошелька. Больше половины тех, кто обращался к Бичико Аскурава, он лечил и вовсе бесплатно. «Люди сейчас живут у нас небогато, а отказывать

больному только потому, что у него нет денег - преступление», - говорит целитель.

Когда-то метод Аскурава был запрещен. Его критиковали, устраивали газетные травли. Хотя люди, в том числе, и члены ЦК компартии, да и сами медики обращались к нему, когда у них возникала в этом необходимость. Сейчас времена изменились. В самом центре Тбилиси работает клиника Аскурава, где не прекращается поток посетителей из разных концов Грузии и из за рубежа. Целителю помогают члены семьи.

Хасан Хабази, который применял мази, и не без успеха, для лечения костных заболеваний. Что входит в состав его мазей, мне неизвестно. Наше же снадобье, как оказалось, позволяет лечить не только переломы, но и выпадение головки бедра, мениск, остеохондрозы, повреждения позвоночника, другие болезни. Мои предшественники за подобное не брались. Дядя Петре, известный в свое время целитель, сам был инвалидом, страдал выпадением головки бедра. Но вылечить себя нашей мазью не пытался, попросту не мог предполо-

Вокруг его имени ходят легенды. Некоторые имеют под собой основание. Какие-то – сплошная выдумка. Говорили, например, что у Бичико Аскурава развилась болезнь костей ног и, чтобы лечиться, он вынужден был продать дачу в Цхнети. «Да у меня сроду дачи в Цхнети не было, – смеется целитель. – Если на все сплетни внимание обращать, нервов не хватит. Вот еще слух прошел, что я уехал жить в Германию. Полная чепуха. Раньше изгнание с родины считали наказанием. Чего же я, сам себя, что ли, буду наказывать?».

Хотя за границей он бывает часто. Одну неделю каждого месяца обязательно проводит в Москве, где плодотворно сотрудничает с Центром «Третья медицина». Нередко выезжает к больным и в другие страны.

- Интерес к народной медицине сейчас во всем мире очень велик, – говорит врачеватель. – И это не случайно. В прежние времена люди обладали огромными знаниями. И мы, грузины, не являемся в этом смысле исключением. Традиции грузинского, вообще кавказского народного целительства уходят корнями вглубь веков. Наша обязанность – хранить их и развивать.

Сейчас Бичико Аскурава – профессор, кавалер ордена Чести, обладатель множества национальных и международных премий, член Академии народной медицины Китая-Израиля-Америки. Гуманитарный медицинский орден Великобритании присвоил ему ранг Командора. А Регентский совет Российского дво-

рянского общества в знак признания особых заслуг пожаловал дворянство и княжеский титул.

На вопрос же, какую из своих наград он ценит больше всего, целитель лукаво отвечает: ту, которую мне еще предстоит получить. Недавно в Тбилиси в адрес Бичико (Владимира) Аскурава пришло письмо, подписанное директором Совета международных исследований Биографического института США Дж. Эвансом. В нем сообщается, что наш соотечественник выдвинут кандидатом на соискание «Всемирной медали Свободы», учрежденной этим институтом.

«За долгие годы, – говорится, в послании, – я с удовольствием представлял к награде многих выдающихся личностей за их достижения. Сегодня нам нужны люди, которые отличаются не только в повседневной деятельности, но и занимают достойное место в обществе, содействуют прогрессу, напоминают, что добрые дела побеждают, и мы действительно можем бороться за свободу.

Уважаемый д-р Аскурава! Вы – признанный и значимый участник процессов, главная цель которых выражена в самой сути и названии нашей награды. Я желаю вам оставаться символом мира, свободы и надежды. Прошу Вас принять «Всемирную медаль Свободы», как свидетельство признания, которое Вы по праву заслужили».

ДЭВИ БЕРДЗЕНИШВИЛИ

НАГРАЖДЕНИЕ

ПИШЕМ ХРУСТАЛЬНЫМ ПЕРОМ

Наша коллега Инна Безирганова стала первым лауреатом престижного конкурса на пространстве СНГ и Балтии. Она удостоена «Хрустального пера», утвержденного Центром поддержки русского театра за рубежом Союза театральных деятелей Российской Федерации. «Хрустальное перо» ежегодно присуждается за лучшие работы в области театральной критики, опубликованные в периодической печати.

Победителя определяет комиссия под председательством главного редактора московской газеты «Культура» Юрия Белявского, в которую входят ведущие театроведы, представители общественности и деятели Центра поддержки русского театра за рубежом. Победительницу конкурса поздравил председатель СТД Российской Федерации, народный артист России Александр Калягин. В его письме сказано: «От всей души поздравляю Вас и желаю дальнейших профессиональных успехов! Искренне Ваш Александр Калягин».

Коллектив редакции журнала «Русский клуб» присоединяется к этим поздравлениям и желает Инне Безиргановой новых творческих успехов.

ИОСИФ БРОДСКИЙ И ГРУЗИЯ: ШТРИХИ К ЛИТЕРАТУРНОЙ БИОГРАФИИ

**(28 января исполнилось
10 лет со дня смерти великого поэта)**

«Человек есть то, на что он смотрит», - не раз говорил И.Бродский (варианты: «что любит», «что читает»). С этой точки зрения - да и с любой другой - он никогда не был азиатом. А если и бывал, то очень краткое время. К примеру, в Стамбуле, его впечатления известны из соответствующего эссе, обернувшегося для него в английской версии «Бегством из Византии», являющейся для поэта прежде всего провинцией Римской империи и неким аналогом «возлюбленного Отечества»; в Средней Азии в молодости, в Грузии практически один день, - увидеть Отара Чиладзе, о

котором отзывался, по словам грузинского классика, именно как о единственном в ту пору в Союзе метафизическом поэте; в Израиле - так вообще ни разу (как обмолвился однажды в интервью, в Тулу со своим самоваром ехать не стоит). Редкие и уникальные воспоминания и впечатления грузинских писателей и поэтов, встречавшихся с Бродским, позволяют взглянуть на него с той стороны гор и горизонта, откуда он сам никогда не согласился бы смотреть на себя и мир, просто не вмещаясь в их метафизические пределы.

Тема «Бродский и Грузия» малоизвестна, и хочется восполнить некий информативный и метафизический пробел. Тем более что заполнять т.н. простые биографические пробелы запретил в своем завещании сам поэт (в течение 50 лет после кончины).

В Грузию, по рассказу Отара и Тамаза Чиладзе, Бродский приехал практически на один день: познакомиться с Отаром. Он позвонил с аэропорта, уже в Тбилиси, рассказывает Отар Чиладзе, и спросил

как добраться: «Мы тут же сказали, чтобы он оставался на месте, а мы за ним приедем, но Иосифу было очень важно добраться самому, самостоятельно, и он наотрез отказался ждать там». Дело было примерно в ноябре 1966 года. «Самое главное: я помню образ молодого человека, которому очень холодно, - продолжает брат Отара, писатель и поэт Тамаз Чиладзе. - Таким он остался в моей памяти. Иосиф Бродский прилетел в Тбилиси в конце 60-х годов... Тогда он переводил стихи моего брата Отара. Гостил он всего один день, «хотел посмотреть, какие вы на самом деле». Потом его блестящие переводы стихов Отара цензура изъяла из русской книги... Вспоминаю, что он был без пальто, руки в карманах.

Весь съездившийся от холода, но при этом по-детски радостный. Действительно, было холодно, он стоял в джинсах и джинсовой куртке, держа руки подмышками, потом мы уже поднялись к нам домой, немного согрелись, выпили». Перед отъездом в Америку поэт оставил Тамазу Чиладзе уникальную, прекрасно изданную Библию - этот драгоценный дар с черной обложкой и красными краями страниц потом в Москве писателю передала девушка. «И когда я открыл и увидел Библию, - говорит он, - я подумал, что это самое дорогое, что у него есть. Не только в смысле книги, но самая большая ценность. И самое дорогое он оставил мне. Это было очень трогательно». Библия до сих пор хранится у братьев Чиладзе. «Даже не помню, о чем мы разговаривали, обо всем, кроме поэзии». Тамаз Чиладзе считает, что настоящие поэты не говорят о поэзии, и уж тем более дурной тон - читать свои стихи за столом. Бродский, как вспоминают писатели, тогда вообще не читал стихов. Они просто говорили. Из статьи Тамаза Чиладзе, написанной после смерти Бродского (взгляд с этой сто-

кой озираясь вокруг себя. Это было время, когда шла охота на диссидентов – большое советское сафари! На фото его нельзя было узнать. Жизнь как будто сделала из него другого человека...

Он создавал себе имя не политическим путем, а как поэт. Возможно, потому он не принадлежал к числу популярных поэтов, чьи стихи обыватели использовали как прокламации. Казалось, он живет в стороне от повседневных бытовых событий, в башне из слоновой кости, в мире, где опыт человечества собран и метафоризирован в книгах. И правда, его книги носят отпечаток библиотечной, музейной академичной холодности. Но разве что-нибудь умаляет достоинство музеев и библиотек из-за того, что они не заполнены публикой, как кинотеатры?..

Он был сыном другой эпохи, гражданином другой страны, которая была только в представлениях. Это великое книгохранилище, освещенное готическими стеклами с цветными витражами, где господствуют мысль и поэзия, где единственные посторонние голоса – шуршание старинных фолиантов и звуки музыкальных нот или музыкальная анархия оркестров перед концертом. Такая страна была бы для него идеальным убежищем... Он был великолепно образованный жрец, считавший, что литература по мышлению эквивалентна лингвистике». Вспоминая о фильме «Прогулки с Бродским», Тамаз Чиладзе говорит: «Мы увидели настоящую, природную сущность поэта и еще вечного ребенка, вынужденного скрывать свое вечное детство». Бродский был категорически против, чтобы его провожали, и вечером уехал из Тбилиси. Потом он прислал переводы. Эти переводы брата Чиладзе считают самыми лучшими. Еще одна деталь: Бродский, по рассказам Тамаза Чиладзе, производил впечатление – уже тогда! – очень одинокого человека, «самого одинокого на этом свете». Причем, говорит, его одиночество было естественным, и невозможно было представить поэта без него.

Поэзия вообще опасна для жизни, но все-таки поэты выбирают поэзию, которая есть, как сказал Тамаз Чиладзе, «оправдание точности».

роны гор и света на ту сторону горизонта и ...света): «Шел снег, и мы пили. Мы были молоды... Больше мы не виделись. Только раз в Москве в Доме литераторов один его тайный поклонник показал мне фотографию, с опас-

Воспоминания безвременно ушедшей из жизни в декабре 2003 года грузинской поэтессы Дали Цаава, адресата «Грузинской песни» Б.Окуджавы («Виноградную косточку в теплую землю зарю...»), стихотворения И.Бродского «Ну, как тебе в грузинских палестинах?..», хорошо знакомой с поэтом и до последних дней навещала его родителей, а потом посвятила большое стихотворение отцу, Александру Ивановичу, которое прочла на вечере памяти Бродского, прошедшего на сцене Грибоедовского театра, – это было одно из последних публичных выступлений поэтессы. Они познакомились в конце 60-х. Все началось с двух переводов Бродским Кавафиса и стихотворения «Остановка в пустыне». «Иосиф читал так нервно и напряженно, – вспоминала Дали, – что я закрыла глаза. Это было почтение или страх обыкновенного смертного перед ангелом, проповедующим в пустыне». Дали рассказывала, как пришла к нему в гости. «Я смотрела на него, а он беседовал с моим отражением в зеркале большого шкафа, ко-

торый стоял позади моего кресла». Вот вам и взгляд поэта, сумевшего «отгородиться от людей» и от себя, одновременно в вольных и невольных поисках альтер эго, превалирующий в тот момент над взглядом человека и мужчины – в разговоре, что отлично замечает грузинская поэтесса. В одной короткой строчке воспоминаний, описавшей свое точное наблюдение, Дали заметила – почувствовала, скорее – суть: взгляд *поэта* в (именно «в», а не «на») отражение со спины, лишь подтверждающее анонимность любого человека (и если идти вслед за Бродским, то есть от зеркальной глади к водной, отразившей, как говорил он, Святого Духа, летающего над водами во время сотворения мира, это и есть продолжение существующего в поэзии Бродского центробежного линейного принципа и принципа эха, в итоге возвращающего к Началу, к Источнику). Мир без первого лица, часто обнаруживающий себя в обобщенных и безличных (но не безличностных) конструкциях стихотворений Бродского и проскользнувший в этом взгляде, который уловила поэтесса, – это мир, где ничего ничему не принадлежит, разве что меньшее является частью большего. Потому, «*глядя в другой пейзаж*», зеркально отражающий будущее, поэт способен к отстранению (интересно сравнение с высказыванием любимой Бродским Марины Цветаевой: «Я просто – верное зеркало мира, существо безличное»).

Далее Дали вспоминает разговор о переводе Б. Ахмадулиной стихотворения Г. Табидзе «Мэри», опубликованном в журнале «Юность», к которому хорошо отнесся Бродский. Дали не проявила такого восторга, и постепенно завязался разговор о переводах Галактиона Табидзе, до которого, по словам грузинской поэтессы, все хотят дотянуться, но никто не смог. И здесь, как представляется, интересно отношение Бродского

вообще к процессу перевода. Речь шла о некоторых стихотворениях. Он тут же попросил Дали сделать подстрочник одного стихотворения Галактиона. И первую строчку перевел сразу: «Тебе тринадцать лет, и у тебя в плену...». Затем он просил еще и еще раз читать это стихотворение по-грузински. Потом уточнял в переводе каждую деталь. Постоянно переспрашивал о значении каждого слова. «После того, как я сделала все возможное, я ушла, я знала, что поэт возбужден, вдохновлен, и его надо оставить одного, так как он хотел беседовать только с Галактионом. На следующий день Бродский выглядел небритым и усталым. «Целую ночь не спал, но ни одну строчку не смог добавить. Вы правы, это не так просто».

И еще один несущественный факт биографии поэта из

рассказов поэтессы (хотя, конечно, биография не более чем следствие, которое, следуя мыслям Бродского, отдает дань причине: творчеству, поэзии. Чтобы была поэзия, нужна как минимум жизнь поэта. Иначе го-

воря, для красот слога нужен певец). Но, возможно, факт занимательный. Когда еще была под вопросом вторичная поездка в Грузию, Бродский позвонил Дали из Ялты: «С вами говорит не поэт Бродский, а актер Бродский». Оказалось, снимался фильм о Второй мировой войне, и Иосифу предложили роль немецкого офицера. Фильм на экраны не вышел, а одну из фотографий кинопроб Иосиф потом повесил на стене в своей комнате.

Существует также небольшое приветственное послание Бродского в Грузию в 1990 году в связи с открытием пен-клуба (или же это было другое письмо с подписью Бродского, сейчас никто из представителей прошлого и сегодняшнего пен-клуба точно сказать не могут), где поэт предостерегал грузинскую интеллигенцию от национализма.

Однако интерес представляют не только отдельные факты для скрупулезных биографов поэта, но

и сопоставление языкового мироощущения: грузинского и русского, и в определенном смысле западного, когда возникает желание или необходимость переводить Бродского на грузинский. Из поколения тех, кому за 60, Бродского переводил известный переводчик, фольклорист и востоковед Вахушти Котетишвили. По утверждению практически всех без исключения грузинских поэтов, перевод стихотворения «Два часа в резервуаре» смело можно назвать конгениальным. Это не только лучший перевод Бродского, но и

вообще один из лучших стихотворных переводов, когда-либо сделанных на грузинском языке. Из того же поколения удачным можно назвать перевод стихотворения «Большая элегия Джону Донну», сделанный профессором Ираклием Сургуладзе. Были отдельные, но неудавшиеся попытки других переводчиков. Во второй половине 90-х годов, с появлением новых литературных изданий, основанных представителями поколения 80-90-х, интерес к Бродскому значительно обострился. Эта тенденция легко прослеживается во многих изданиях, но особенно – в журнале «Арили». Имя Бродского в «Арили» появляется настолько часто, что редакцию даже упрекали в излишнем внимании к нему. Достопримечательный факт: первая же страница первого номера «Арили» в начале февраля 1996

года открывалась некрологом Бродского. О более или менее ощутимом влиянии поэтики Бродского на тексты нового поколения грузинских поэтов говорить не приходится: в языковом, стилистическом плане ни один грузинский поэт не имеет с ним никакого сходства. Вообще, по словам Бернарда Шоу, перевод – как женщина: если он красив, то неверен, а если верен, то некрасив. Фрост утверждал: поэзия – это то, что теряется в переводе, и он, конечно, прав в определенном смысле. Язык – отдельное мироощущение, и литература, по Бродскому, это не только стилистика, но еще и субстанция. Потому, кстати, он уделял огромное внимание формальной стороне стихотворения и так внимательно относился к переводам, так как перевод – переход. (Сравним для интереса одно высказывание: «Кто дает буквальный перевод Писания, тот лжет, а кто неточный, тот кощунствует», Иехуда бен Илаи). Конечно, важно еще, «кто дерет, а не у кого», говорил Бродский в беседе с Томасом Венцлова.

И – некий азиатский минимум, попытка – или попытка – понять существование и суть несовместимости Бродского и Азии как состояния души и ума: «азии мозга». Если в Москве, говорил Бродский, есть что-то утробное, то, например, Тбилиси, зажатый горами – вообще воплощенная утроба. Даже если взглянуть с точки зрения плоскости карты, у Бродского горизонтали предпочитается вертикаль, как горам – горизонт. Горы дают простор любованию, горизонт – простор воображению (как символически сходная звукопись – **горы** и **горизонт!** и как сходна с

«горем»). Горы, можно сказать, опыт Земли. Горизонт – ее, Земли, воображение, воображение горизонтали, помышляющей о вертикали. А опыт, по точному наблюдению поэта, всегда отстает от воображения. Но ведь и строить, судить себя надо безотносительно к другим, то есть исключительно по вертикали, откуда и кальвинизм Бродского, не представимый в Азии с ее специфическим социальным, догматическим и одновременно «плавным» сознанием (больше схожим с подсознанием), где, по его же словам, отсутствует ощущение уникальности человеческой жизни, есть жара и нет закона, структуры и определенности, коей, кстати, обладает английский язык.

И гораздо лучше воображать вертикаль, чем видеть ее воочию в той или иной форме, ибо в таком случае вертикаль несоизмерима по своему масштабу ни с чем зримым, ощутимым, уловимым. Объемность взгляда превышает объемность ландшафта, пейзажа, постоянно нуждаясь в перспективе. «В этом мире страшных форм/наше дело - сторона» (В горах). Архитектура для него – лучшая замена гор. Небоскребы (а не горы) сообщают человеку его истинный масштаб, с удовольствием повторял он. Архитектура, к тому же, подтверждает индивидуализм и индивидуальность человека, и если она безупречна, то искусственная красота в таком случае приравнена к естественной, что Бродский, вслед за Оденем, очень ценил. Обращаясь к архитектуре, поэт как бы походя замечает одну из главных черт: «заигрываешь с тем светом,/взяв у него взаимны,/чтоб поняли мы, с чем на этом/столкнулись мы», «ты – более для сверхпернатых насест» – архитектура является переходной ступенью от бытия к небытию, к раю, к ангелам.

Азия и Восток более ассоциируются с тем светом, с адом («Бред и ужас Востока. Пыльная катастрофа Азии...»), «Путешествие в Стамбул»), ад древних греков в эссе о Рильке Бродский помещает в пещеры Каппадокии, тогда как архитектуру Рая он косвенно в своих стихотворениях и эссе приписывает Флоренции и Венеции; вот его Венеция из «Набережной неисцелимых»: «...хоть я и северянин, мое представление о рае не определяется ни климатом, ни температурой. Я бы, кстати, охотно обошелся и без его жителей, и без вечности в придачу... Поскольку сравнение с подлинником – вне моей компетенции, то я могу этим городом и ограничиться». Сила такого ограничения невероятна и честна по сути и по духу.

Даже море становится «Средизимним», тем более что зима – его любимое, «черно-белое время года. То есть страница с буквами», за чем, по его признанию, стоит именно профессионализм. Черно-белой зимы не бывает на жарком юге. Разве что изредка... Воспринимаемая северный пейзаж исключительно в функциональном плане, который своим однообразием сообщает «нечто о мире и о жизни», ибо «человеку там делать нечего ни в качестве движущегося тела в пейзаже, ни в качестве зрителя», Бродский меняет интонацию северного пейзажа, когда дело касается его родного города, который вслед за итальянским Севером, приобретает очертания рая. Поэт называет все петербургское в

культуре «трезвостью формы»: «Это не стремление к свободе ради свободы, а идея – вызванная духом места, архитектурой места – идея порядка, сколько бы он ни был скомпрометирован... Это идея о том, что порядок важнее, чем беспорядок, сколько бы последний ни был конгениален нашему ощущению мира. Эстетический эквивалент стоицизма – вот что такое Петербург и его культура». «Компромат» порядка – ощущение Бродского собственной страны как Азиопы, и единственный противовес этому во всех смыслах слова – его родной город, который он называл гигантским зеркалом одинокой планеты. «Стоишь на Литейном мосту – и все, что творится за Троицким мостом, это уже конец мира. Или наоборот – выход в новый мир». Тут уже восточность и «азиатскость» русского сознания, размывание сознания и бессознательного, жанров и границ дозволенного и недозволенного, добра и зла и т.д. «выравнивается» литературой «края земли», становясь естественным продолжением – пусть даже записками на полях древних, как говаривал поэт, – греко-римского наследия. А окраина, как он любил повторять, не конец старого, но начало нового мира, что гораздо важнее ада и рая, вместе взятых, ибо это и есть продолжение перспективы. Сам по себе вид города у моря, воспитывающий особое чувство горизонта, тяготеет к форме стихотворения. Его строгая классическая строфика – архитектура и каналы. Отдельные мосты, дворцы, церкви, дома так и норовят взвалить на себя многозначность поэтического слова и строки. Реалии Санкт-Петербурга обязательно превращаются в реалии языка, такова их высокая судьба. Это, безусловно, западный город – пожалуй, единственный на означенной Бродским территории, именуемой им Востоком и Азиопой, город, в воды которого глядится Время.

В противовес эмоциональному восклицательному Югу, тональность Севера и Запада ближе его глуховатому нейтральному голосу Времени. Восток – повод для Запада, как Юг – для Севера, иного движения быть и не может.

Стишок, любил он повторять, начинается с тональности. Тон в Азии состоит из другой нотной грамоты. Он отрицает древнее изречение «Ex oriente lux» («Свет с Востока»), сразу и точно «подправив» устоявшуюся систему координат, и постоянно настаивает на том, что свет идет только с неба.

ИННА КУЛИШОВА

С «ПОЛСЕДЬМОГО»
ГОДА Я СВИХНУЛСЯ
НА ТЕАТРЕ

В день 78-летия для Рамаза Чхиквадзе началась «звездная» жизнь. При огромном стечении поклонников, друзей, коллег, президента Грузии и прочих высокопоставленных лиц в Тбилиси была открыта звезда его имени. Саакашвили после спектакля прямо со сцены, собственноручно вывел артиста в костюме Аздака к театральному подъезду к его звезде. Фейерверк, золотой и серебряный дождь, «обливавший» артиста, многоголосье «Мравалжамьер» в его честь – все это он заслужил в полной мере.

Плита, увековечившая имя артиста, теперь украшает вход в его родной театр имени Ш.Руставели, которому артист отдал 55 лет творческой жизни. Итак, Рамаз Чхиквадзе стал первой звездой не только своего театра, но и вообще грузинского драматического искусства. До этого «звездные» имена на плитах принадлежали только певцам, артистам балета и кино.

Церемония хотя и была феерической, но проходила, так сказать, в рабочем порядке. Витать в звездных высях было некогда – сначала спектакль, потом звезда. В этот вечер руставелевцы играли легендарный «Кавказский меловой круг» в постановке Роберта Стурра, уже отметившей свое 30-летие. В театре было столпотворение, а на сцене – сразу несколько первых исполнителей: вместе с Рамазом Чхиквадзе свое мастерство демонстрировали его друзья и партнеры Гурам Сагарадзе и Карло Саканделидзе.

Как полагается, после звездных феерий вечер закончился большим банкетом – в ресторане на берегу Куры. До 5 утра не расходились гости, тамадой был испытанный на сцене и в застольях Гига Лорткипанидзе. Именинник шутил, пел, танцевал, прыгал и скакал, забыв и о возрасте, и о недавно перенесенной тяжелейшей операции. Это был еще один спектакль профессионалов.

Кажется, впервые в жизни Чхиквадзе так отмечал свой день рождения. Он победил болезнь, возраст, и, конечно, он победил как актер. Зрители, не попавшие на спектакль, одолевают его, чтобы он еще сыграл своего Аздака. И он это сделает. Он не собирается прощаться со сценой.

Сейчас уже трудно представить, сколько волнений пережил виновник торжества в преддверии этих событий. Первое известие об открытии звезды, по словам близких, вызвало у него буквально аллергию, почти шок. Те, кто знает Рамаза Чхиквадзе, этому не удивились. Всем известна его упорная, хроническая неприязнь ко всяким чествованиям, датам и даже к своему дню рождения. Официально не отмечался ни один его юбилей, даже семидесятилетие. А в свои дни рождения он всегда старался куда-нибудь улизнуть. С этого и начался наш разговор.

был очень хороший голос, она закончила Тбилисскую консерваторию, потом готовила гастрольную программу в Ленинграде, когда отец учился в аспирантуре Ленинградской консерватории. Мы всей семьей жили в Ленинграде, но когда отец заболел плевритом, из-за климата пришлось уехать. Отец болел тяжело, мама оставила свою вокальную карьеру, долго ухаживала за ним, так и застряла в домохозяйках. Потом отец был проректором консерватории, а я учился в консерватории в группе одаренных детей. Там был еще такой профессор Айсберг, слышите, как звучит – Айсберг. Мне было лет 6-7, я играл на фортепиано и числился в талантах.

Но меня погубил грузинский ТЮЗ. В нулевом классе я посмотрел спектакль, и после этого уже не хотел ничего - ни музыки, ни консерватории, хочу быть артистом, и все. Вот так с «полседьмого» года я свихнулся. Родители нервничали, с мамой были истерики, а я не мог больше сидеть за инструментом. Кончилось тем, что отец, принимая экзамен, собственноручно выкинул меня из консерватории. И стипендии я лишился, а по тем временам это были хорошие деньги.

- И что было потом?

- Я бегал всюду, где что-то ставили, в милицейском клубе играл, во Дворце пионеров. Только дайте что-нибудь сыграть. Я не думал о себе, что вот я ступлю на сцену театра Руставели, и будут аплодисменты, овации – нет, я просто очень хотел играть. А где – это неважно.

- Вас легко приняли в театральный институт?

- Очень. Мы были уже готовые артисты. Во Дворце пионеров, можно сказать, была настоящая театральная школа, потому что кружок вел Нодар Чхеидзе, отец Темура Чхеидзе. Он сам был замечательным артистом Руставелевского театра и оказался таким же педагогом. Мы все умели, когда пришли на экзамен. Отбарабанили стихи, сделали все, что просили, и нас сразу приняли – меня, Гурама Сагарадзе, Гоги Гамсахурдия, но он потом на радио работал. Учились у Додо Алексидзе. Он был очень хороший режиссер, но с ним мало пришлось работать. По окончании нас с Гурамом сразу определили в театр Руставели.

- Вам повезло во времени. Там как раз был Михаил Иванович Туманишвили, сообщество актеров «швидкаци».

- Да, Туманишвили очень сильно повлиял на нас. Есть режиссеры-педагоги и режиссеры-постановщики. Миша был режиссер-педагог. Мы, молодые, нетерпеливые, все с ходу хотели, а он очень серьезно требовал. Что только мы ни придумывали на репетициях, мы делали этюды, импровизировали, это было продолжение учебы. Так родились «Испанский священник», «Доктор философии», «Чинчрака», «Такая любовь».

- Для вас что важнее, чтобы режиссер был педагогом или постановщиком?

- Режиссер-педагог – это вначале хорошо, когда актер ищет себя, свою стилистику. А потом от режиссера нужно, чтобы он интересные замыслы приносил, постановочные решения, ведь его фантазия заражает актеров. Вот Робик Стурау изумительные спектакли ставил. У него замечательная манера работы, но ему нужны готовые, хорошие артисты. А Миша любил вместе с нами искать, копаться, он любил делать актера.

- Юбилей никогда не отмечал. Мне хотели устроить вечер в театре на мое 50-летие, 60-летие, 70-летие. А я скандалы поднимал, говорил – ни в коем случае! Лучше пустите спектакль. Для артиста и юбилей, и бенефис – это когда он на сцене. Я понимаю, ученый, хирург, их широкая публика не знает, вот им это надо. А артистам зачем? Ну, поговорят о твоём творчестве или лишний раз похвалят как-то особенно. Зачем все это? Больше скажу, я и день рождения не очень люблю. Я родился 28 февраля 1928 года, тот год был високосный, так я все выпытывал у мамы, а может, я ночью после 12 часов родился, и это уже было 29-е? «Да нет, утром ты родился 28-го». Никак не заставил мамашу сказать 29-го. А мне так этого хотелось, тогда раз в четыре года был бы день рождения - не как у всех. И мне было бы в 4 раза меньше лет.

- С днями рождения все ясно. А как Вы относитесь к своей нынешней звездности? Вы чувствуете себя звездой?

- Очень хорошо ответил Лоутон, я люблю этого актера, он сказал: «Я никогда не был кинозвездой, я всегда стоял выше». Я, конечно, не могу так ответить, но я не очень понимаю, что такое звезда. И такие словосочетания как «великий артист» меня тоже пугают и раздражают.

- Как Вы решили стать артистом? Родители, семья или случай?

- Моя мама была человеком от искусства и говорила с гордостью - это мой талант передан тебе, я в Зестафонском театре еще с Ушанги Чхеидзе играла. У нее

- Вы правы, Туманишвили «сделал» многих. А как ходили на спектакли того времени! Студенты после лекций бежали на проспект Руставели, а там - на спектакль в пятый, в десятый раз, потому что каждый раз было что-то по-новому, неожиданные импровизации, шуточки, приколы.

- Да, иногда хулиганили, особенно в «Чинчраке». В результате возникали смешные ситуации, а по роли-то смеяться нельзя. Эроси Манджгаладзе, например, изобрел даже свою мимику, чтоб из зала не заметили его смех. Обычно когда смеются, губы расползаются «хи-хи-хи». А Эроси губы складывал буквой «о», и мог вслух смеяться, изображая горестное «о-о-о!».

- Тогда, наверное, и пришла первая слава - поклонники, поклонницы. Кстати, вы никогда не рассказывали о ваших увлечениях молодости. Они были бурные?

- Нет, я не влюбчивый был. Мне 32 года было, когда я женился. До этого у меня не было человека, чтобы я мог сказать - вот она будет моей женой, или чтобы я любил, страдал - не было такого. Ни серьезного романа, ни даже полусерьезного.

- Ну, несерьезные-то были?

- Были. Этих много.

- В таком случае, чем вас покорила Наташа?

- Не знаю. Наверное, судьба. Никак не разняли нас. Хотя очень многие старались, там целая эпопея была.

- Она тогда актрисой была?

- Нет, просто снялась в фильме «Цветок на снегу», очень красивая была, ее увидели и сняли. Но я считаю не совсем удачно, в жизни она была намного интереснее и красивее. У нее была своя профессия, она защитила диссертацию в Институте металлургии.

- Она металлург?!

- Металлург по цветным радиоактивным металлам.

- Наверное, потому у нее такая хорошая голова.

- Ум что ли цветной?

- Не ум цветной. Просто техническая профессия дает логику мышления.

- А актерская профессия не дает? Ведь мы играем разных людей, с разными капризами, философиями. Мы входим в образ, становимся другими.

- Но это только на сцене. А в жизни-то Вы остаетесь самими собой.

- Не-е-т, все-таки есть влияние.

- И кто же на Вас повлиял?

- Ричард III вспоминается (смеется). Когда имеешь дело с текстами великих людей, с такими авторами как Шекспир, Шиллер, чему-то учишься. Спектакль - это большая школа. Что, зритель разве не учится в театре?

- Наверное, не случайно «Ричард III» вспоминается - это «звездная» эпоха Ваша и Роберта Стуруа. Можно сказать, пик политического театра. Недаром спектакль два раза закрывали и выпустили только с высочайшего соизволения Шеварднадзе. Батоно Рамаз, Вы всегда говорили, что любите политику, но никогда в нее не вмешиваетесь.

- Я не люблю вглубь политики заходить. Но что в ней происходит, меня это интересует. Все мои роли были политическими. Я играл и Ленина, и Сталина, и Гитлера, и Людовика IV, Ричарда III, ну, и король Лир, хотя это выдуманный персонаж. Всех их без знания политики не сыграешь. Хочешь, не хочешь, ты разбираешься, кто они такие, читаешь про них, знаешь их историю.

- Политики и актеры, у них соприкасающаяся психология?

- Большой политик всегда должен быть хорошим актером. И хитрым. Часто он обязан преподнести себя в другом ракурсе. Чем он гибче и артистичнее, тем он легче достигает своей цели.

- Из политиков советского времени кто, по-вашему, был выдающимся актером?

- Я думаю, самый большой артист был Сталин. Он был с юмором, и у него было свое амплуа - шекспировское, я бы сказал. Хотя бы по масштабу. Ну, из грузин и Берия был, наверное, неплохим артистом.

- Вы столько ездили по миру, где вы только ни бывали - и с гастрольями руставелевцев, и на всевозможных фестивалях.

- В Новой Зеландии не бывал. Очень хотел, но никак не попал. Совсем рядом были, в Австралии, всего-то пролив переплыть и считалось бы - гастроль на самом далеком острове. Не получилось. Зато в Австралии два раза были. Один раз с театром, а второй с моими вечерами - я играл с несколькими артистами нашего театра отрывки из «Ричарда III», «Кавказского мелового круга» и всю вторую часть «Короля Лира».

- Вам славы не занимать. А что, по-вашему, должен делать обычный человек, чтобы чувствовать себя успешным и счастливым?

- Так жить, чтобы не было стыдно, в первую очередь перед собой. Когда ты кого-то грабишь или строишь козни, не может быть, чтобы человека это не мучило хоть в какие-то моменты. Он никогда не может быть счастливым, и никакие миллионы не спасут. Надо бояться Бога. Безбожник думает, что раз никто не видит его дела, все шито-крыто. Ничего подобного.

- А если человек не верит в Бога?

- Это плохо! Потому что нам, верующим, помогает, что кто-то нас ведет.

- Вы всегда были верующим?

- Я с детства связан с религией. Моя бабушка была верующей, ее сестра - монахиней, брат бабушки был епископом Грузии. Дедушка был историком, много занимался фольклором, а во времена царя Николая II создал самый большой церковный хор и был регентом в церкви Кашвети. И я все церковные праздники проводил рядом со старшими. А когда приезжал в деревню ко второй бабушке, прямо рядом, в метрах 50 стояла церковь. Первое, что я видел, когда просыпался в детстве - ту церковь, выстроенную еще при царице Тамаре.

- Теперь понятно, откуда у вас эта редкая для драматического артиста виртуозная легкость пения.

- Знаете, я бы в школе обязательно ввел уроки пения. С малых лет надо учить ребенка народной и церковной музыке. Грузия – певческая страна, у нас богатый фольклор, такое многоголосье. А сядешь за стол, 20 человек рядом, и никто не умеет петь. Удивительно! Казалось бы, что стоит ребенка научить? Третий голос хоть дай правильный, когда двое поют. Если человек будет знать азы, у него уже хватит совести хотя бы рот не открывать, чтоб не мешать другим.

- А еще какие удовольствия для вас существуют?

- Хороший спорт – футбол, баскетбол, бокс. Сейчас большие достижения в спорте. Какая разница с тем, что было в моей молодости! Смотрю на футболистов – как они играют, просто как в цирке.

- Вы что-то начали говорить о застолье...

- О, застолье я очень люблю. Это огромное удовольствие, особенно, с друзьями, коллегами – людьми моего поколения. Настоящий стол должен быть не больше 15 человек. Лучше 12. Из них хотя бы 4 певца. И все свои люди. Тогда и юмор идет, и вспоминаются такие интересные вещи...

- Кажется, еще вы любите ходить на рынок?

- Да, я обожаю рынок, если день не пойду, скучаю. Вот где настоящий театр. Там ты встречаешь всех – интеллигента, рабочего, аристократа, крестьянина, нищего. Ты видишь, как и чем люди живут. Там люди говорят то, что у них на душе.

- А рыночные льготы для вас бывают?

- Стараются подарить что-нибудь – пару красивых яблочек или мандарины. И цену сбавляют: «Это стоит столько-то, но для вас...» Конечно, проверить это трудно, но все равно приятно. Совмещаю приятное с полезным.

- **Что меняется в жизни с возрастом?**

- В душе абсолютно ничего не меняется. В желаниях – тоже! Наоборот, становишься умнее и знаешь, что хорошо, что плохо. Единственно – физика, вот этот футляр меняется в плохую сторону. И нет силы реализовать свои желания. А они лучше и правильнее, вот что обидно.

- **Вам хотелось бы изменить что-то?**

- Если бы начал все сначала, то в точности повторил бы все. Хотя я люблю и профессию дирижера. Обожаю музыку, большие оркестры – и симфонические и джазовые. Я люблю мощь звучания, это изумительно. Если бы не стал артистом, был бы дирижером. Но я был влюблен в сцену.

- *Если говорить о театре и кино, то Вы всегда отдавали предпочтение театру. А как сейчас?*

- Сейчас для театра уже силы не те. Остается кино. Я снялся в нескольких картинах, большая роль была в немецкой картине, роль еврея, который чудом остался жив во время войны. В Грузии снимался у Годердзи Чохели. Сыграл Сталина в фильме «Момент истины», еще была интересная роль Почтальона в картине по сценарию Ираклия Квирикадзе. Снимался в последнем фильме Георгия Шенгелая «Идет поезд». Недавно снялся в Москве, «9 месяцев» называется фильм, о роддоме, там сыграл главврача. Сейчас специально для меня этот же режиссер готовит новый сценарий, но съемки уже будут в Грузии.

- **В кино вы сами себя озвучиваете?**

- Да. Сам играю, сам пою.

- **Помните, еще Вы играли оперного певца-революционера в грузинском фильме «1001 рецепт влюбленного кулинара» с Пьером Ришаром в главной роли. Каким Ришар оказался в работе?**

- Оказался приятным, милым человеком, работал по-настоящему как профессионал. Вообще он талантливый человек.

- **Пьер Ришар в интервью сказал как-то, что, работая в Грузии, он научился опаздывать на съемку, пить грузинское вино и обрел какие-то чисто грузинские черты характера.**

- Да, ему понравилось, он говорил, что с радостью снялся бы у нас еще. Действительно, этот фильм расширил его амплуа. Он здесь родился как трагикомик. В его роли была большая драматическая нагрузка, и зазвучали трагические ноты.

- **Ришар многое для себя открыл в Грузии, в характерах ее людей. А для Вас – что такое характер грузинского мужчины - и в жизни, и в ролях?**

- Некоторых грузин я просто обожаю – очень интересные люди. И не только среди интеллигенции. Возьмите крестьян, на земле стоящих людей. Они философы, и вместе с тем добрые, честные, гостеприимные. С таким говоришь, и знаешь, что он не кокетничает. Но, к сожалению, это небольшой процент, как и везде. Таких людей размножить надо, их мало.

- *Вы снялись более чем в 50 картинах. И это при той нагрузке, которая была в театре. Как Вы это успевали?*

- Сам удивляюсь. Сейчас вспоминаю, сколько я работал, это непонятно, сон какой-то. При том я привык подчиняться репертуару театра: никогда не диктовал, когда я могу играть, когда нет. Я вообще не люблю капризы, и свои капризы тоже. Я всегда строил свои планы и съемки, только исходя из репертуара театра. Всегда надо идти в ногу с театром. А сейчас столько ног уже нет.

- *Ваш отель «Вилла Берика» знаменит не меньше хозяина. Насколько я понимаю, главная зачинщица всех новшеств – это Наташа Чхиквадзе. Помните, в одной из наших бесед года два назад, у вас с Наташей произошел достаточно необычный разговор. За чаем она поделилась со мной сногшибательной новостью:*

- Знаете, а мне Рамаз недавно сделал предложение. Не сам. Через Темура Чкония, президента «Кока-кола». Темур пришел и говорит: «Я тебя очень прошу, выйди замуж за Рамаза». Я говорю, хорошо, я подумаю.

- *Сколько лет вы вместе?*

- Сорок шесть лет.

- **Самое время подумать. Хотя вы уже зарегистрированы.**

- Понимаете, бюрократическая процедура в загсе, это не считается.

- Конечно, - вступает Рамаз. - Ведь церковного брака нет. Надо венчаться, это будет по-настоящему.

- Я взяла время, чтоб немножко подумать, пролистала 46 лет, прожитых вместе, взвесила все «за» и «против», а может, не стоит...

- Она согласилась в конце концов, - смеется Рамаз, - но я передумал. Может, я на другой хочу жениться. У меня будет церковный брак, а это будет мой грех.

- В общем, мы решили, что будем венчаться, - заключила Наташа.

Вот такой случился разговор. Мне было интересно, чем закончилась эта история. Можно бы предположить, что на этой свадьбе будет весь Тбилиси. Спрашиваю у хозяев, как это было. Оказалось, как всегда – тихо, без шума. Поехали в Батуми на гастроли, Рамаз отыграл спектакль, и на следующий день они пошли в церковь. Там, в маленькой церкви и обвенчались, наконец. Громкого события опять не получилось.

ВЕРА ЦЕРЕТЕЛИ

«ТИФЛИССКИЙ ВИННЫЙ ПОГРЕБЪ» НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ГРУЗИНСКОГО ВИНОДЕЛИЯ

Грузинское вино – особая категория, это возвышенная целебная сила, которая столетиями является главным секретом «кавказского долголетия».

Грузинское вино воспето лучшими поэтами и художниками, грузинское вино сегодня, как и в прежние времена, приводит в полный восторг всех, кому удастся попробовать настоящее «Картули гвино».

Мы все помним и любим традиционные для Восточной Грузии замечательные марки вин, такие как Цинандали, Мцване, Мукузани, Телиани и Напареули. Словно прекрасная песня звучат эти названия, да и с точки зрения «наслаждения вкусом» это абсолютные чемпионы среди лучших вин мира.

Но кто же сегодня может порадовать истинного ценителя настоящим грузинским вином?

Задавшись этим вопросом и проведя собственное исследование среди ценителей и знатоков, мы выяснили, что одной из самых лучших компаний, производящих в промышленно значимых количествах отличные грузинские вина, является компания «Тифлиссский винный погребъ». Причем именно эта компания является единственным владельцем на территории Грузии собственной энотеки, в которой на сегодняшний день хранится более 100 000 бутылок вина коллекционного качества начиная с урожая 2000 года!

Конечно, профессиональное любопытство тут же заставило нас приехать на завод компании «Тифлиссский винный погребъ».

Говорят, что первое впечатление самое верное... Скорее всего это правда:

«Тифлиссский винный погребъ» покоряет сразу!

Это предприятие действительно уникальное, трудно передать восторг, который испытываешь, когда попадаешь в винохранилище, где одновременно хранится более 5 000 000 литров превосходного вина. Огромное кондиционируемое помещение, наполненное емкостями для сухих виноматериалов и не менее огромный «термосной парк» позволяющий «хранить на холоде» знаменитые полуслизкие «Хванчкару» и «Киндзмараули». Далее современная лаборатория, все по уму, все по-хозяйски. Переходим в цех розлива, здесь итальянский эксклюзив: линия розлива «Bertolaso» с фильтрами тонкой мембранной очистки, позволяющая разливать до 5 тыс. бутылок в час, причем по технологии холодного стерильного розлива, а не привычным для всех «горячим способом» (пастеризации).

Что дает технология холодного стерильного розлива? Главное, это максимальное сохранение содержащихся в грузинских винах природных флаваноидов и антоцианов, которые, обладая Р-витаминной активностью, способствуют укреплению стенок кровеносных сосудов, накоплению витамина С и общему укреплению иммунитета.

Стало понятно, «Тифлиссский винный погребъ» это новая реальность грузинского виноделия, современного и одновременно уникального.

Изучив собственно само предприятие, нам, конечно же, захотелось подробнее узнать о владельцах и управляющем менеджменте.

Здесь снова эксклюзив. Управляет этим современной-шим заводом гражданин России, выпускник Московского государственного университета пищевых производств, кандидат технических наук Владимир Гребенчиков, и что самое замечательное, оказывается все великолепие «Тифлиссского винного погреба» построено на деньги российских инвесторов!

Для справки:

«Тифлиссский винный погребъ» закупает ежегодно не менее 5 000 000 кг винограда традиционных для Грузии наименований (ркашители, саперави, александрули, муджуретули, оджалеши, цоликаури, цицка и др), что в денежном выражении составляет более 4 млн. долларов США.

Основными рынками сбыта готовой продукции являются традиционные для грузинского вина Россия, Украина, Казахстан. Понемногу продукция завода выходит на западные рынки (Великобритания, Швейцария, Израиль, США).

На предприятии работает 156 человек.

Предприятие постоянно расширяется и модифицируется, адаптируясь к современным непростым рыночным условиям.

Главным достижением по итогам пяти лет работы (кроме естественного в случае компании «Тифлиссский винный погребъ» коммерческого успеха) является создание собственной коллекции вин. Всего в энотеке «Тифлиссского винного погреба» хранится более 100 000 бутылок превосходного вина. Это первая практически после 20-летнего перерыва в работе винодельческой отрасли Грузии промышленно значимая коллекция.

Дальше, естественно, хочется узнать название торговой марки, под которой компания «Тифлиссский винный погребъ» распространяет по всему миру свои замечательные вина. Оно звучит просто и одновременно очень гордо – «Картули Вази», что в переводе с грузинского означает «Грузинская лоза». Соответственно, становится понятно, что, встретив в магазине бутылку грузинского вина с логотипом «Картули Вази», можно смело покупать, понимая, что это настоящее грузинское вино превосходного качества от компании «Тифлиссский винный погребъ»!

ტიფლისსკი ვინის პობრებ

თქვენი სუფრის პარმონია

«НЕ НАДО ЗАВОДИТЬ АРХИВА...»

Архивы и документы, как и люди, имеют свою судьбу. Рукописи Бориса Леонидовича Пастернака и огромный массив переписки собирался в разных местах. Письма поэта, на которые он был столь щедр, хранились у многочисленных и самых разных адресатов. Рукописи же, разнородные документы и письма к Пастернаку по большей части, конечно, собирались в семье, в московской квартире и на Большой даче, то есть в Переделкине. Была еще в Переделкине «маленькая дача», на которой жила Ольга Ивинская, женщина, связанная с Пастернаком долгими годами сложных отношений. Женщина, ставшая прототипом Лары.

О том, что Ольга Ивинская продает свою часть архива, мы узнали в декабре 1980-го. Директор Музея дружбы народов и его основатель Теймураз Бадурашвили – личность весьма неоднозначная. Менее всего связанный с художественным творчеством, он смог собрать в Грузии уникальные литературные материалы и создать не один музей. Не знаю как, по своим каналам, Бадурашвили узнал, что Ивинская не хочет продавать или отдавать архив в ЦГАЛИ. В свое время, в момент одного из ее арестов, в доме произвели обыск, и рукописи Пастернака были арестованы. После освобождения она узнала, что какая-то часть была передана в ЦГАЛИ, и хотя при жизни поэта его рукописи принадлежали ему, они не вернулись. Среди них была рукопись «Слепой красавицы». Бадурашвили решил, что архив приобретет для музея именно он. Каким-то образом, в этом ему не было равных, он заручился согласием, что в случае приобретения архива, будет выплачена огромная по тем временам сумма. Уж не помню точно, какая, для меня в любом случае эта сумма была астрономической, но более 25 тысяч рублей. Видимо, в Академии наук Грузии к концу года остались неосвоенные средства, и люди, распоряжавшиеся ими, понимали, что такое архив Пастернака.

Я к тому времени, можно сказать, в юном возрасте, защитила кандидатскую диссертацию и работала одновременно в Тбилисском университете и в Музее дружбы народов. Название музея у всех вызывало улыбку, однако в нем собрался молодой творческий коллектив, и

были осуществлены такие начинания, которые многим «несмешным» заведениям оказались не по плечу. Директор выбрал меня и Елену Киасашвили, которая работала над переводческим процессом пастернаковской эпохи. Со всей самоуверенностью ранней молодости я считала, что раз я люблю поэзию, знаю ее, как мне казалось, и уже читаю лекции по русской литературе, именно я и должна лететь за архивом.

Так с пастернаковским томиком в руках мы с Еленой в срочном порядке оказались в самолете Тбилиси-Москва. Не могу вспомнить, где жил человек, занимавшийся продажей архива, где-то далеко от Таганки,

Из личных дел.
Друзьям в Тбилиси
1.
Не переживай красавица
В Грузии и на Сибире.
Любимый родной город.
Путь только вернись.
Бесловный бедняк не
Считает пылью голубом
Он и, как родину
Зачем и обман
В между тем и твое
Судьба прекрасная твоя
Не выноси на себя
Для каменного Пастернака.
/ Рокетт и красавица
Лето в море в Тбилиси
Твоя на море
Где и твоя судьба?

рядом с которой мы жили. Валил снег. Мы не успели экипироваться для московской зимы, и, клацая зубами, явились по условному адресу. В ушах почему-то звучало пастернаковское: «Февраль. Достать чернил и плакать!..» Я не сомневалась в том, что нам судьбой поручена миссия привезти рукописи самого Пастернака в Тбилиси, и так и должно было быть. Но мы с Еленой все же, каждая по-своему, волновались. Думалось одновременно: конечно, кроме меня этого никто бы не осуществил. И одновременно: это миссия. И одновременно: таких случаев в жизни еще будет немало.

Вроде бы ничего особенного. И одновременно: как это будет? Я боялась забыть какие-то стихи поэта, читала всю дорогу на память. Почему-то представлялось, что сейчас нам устроят строгую проверку, и не дай Бог не выдержать. Синдром первой ученицы не давал покоя, и хотя я не была типичной отличницей, страх, что что-то не выучила на пятерку, еще не покинул меня навсегда. Кроме того, при своей, как сейчас осознаю, редкостной наивности, я старалась думать как бы о сути проблемы, а не о том, что за ней стоит. Мне придалось, что за дверью нас ждет комиссия, которая

устроит экзамен и, убедившись, что мы достойны, вручит нам архив. Реалии оказались иными.

Нам открыл дверь человек, который, стоя в неестественной позе, держался за поясницу. Лицо было перекошено. Едва впустив нас в прихожую, он с пафосом и злобой произнес: «Мы решили ничего вам не давать. Вы что думаете? Ваш директор позвонил и сказал, что если я не продам ему материалы, он позвонит куда надо, и меня не выпустят. Он что, решил бороться с нами теми же методами, что с Борисом Леонидовичем? Мы НКВД архив не продадим».

Мы с Еленой онемели. Потом произошел абсурдный разговор, в котором собеседники ничего не понимали. Я начала объяснять что-то на тему, что «мы не такие». Постепенно я начала вскипать и возмущаться, сообщила, что мой отец – известный ленинградский профессор, создавший целую школу в строительной механике, а тут «НКВД». Елена что-то произносила о расстрелянных в семье родственниках. В общем, мы ушли, ничего не понимая, с тем, что созвонимся.

Оказалось, что Темо Бадурашвили, наш директор, пока мы в самолете повторяли стихи Пастернака, решил по партийной привычке «укрепить позиции», позвонил вдогонку и пригрозил. Еле дозвонившись до директора, мы высказали возмущение. В ответ услышали: «Так было надо. Подумаете, тоже мне, обиделся. Без архива не приезжайте».

Всю ночь у друзей я молча репетировала свой автотрагический монолог. Назавтра человек, державшийся за поясницу, с искривленным лицом впустил нас дальше прихожей. Это была однокомнатная, насколько помнится, какая-то нежилая «хрущоба». Человек оказался зятем Ольги Ивинской, мужем ее дочери Ирины, которому она поручила вести переговоры. Сама Ивинская не появилась. Скорее всего, ей было трудно обсуждать детали покупки. Зятя звали Вадим Козовой, он был поэтом и переводчиком. Может, кому надо, вполне известным, но мы с Еленой о нем не слышали. Да и все эти дни никакой речи о поэзии не было. Теперь-то я понимаю, что его мало интересовало наше обожествление Пастернака. У него был острый приступ радикулита и, видимо, весь свет был не мил, а мы тем более. Сын Вадима Козового и Ирины был тяжело болен. Ирина в то время была с ним уже во Франции. Сыну требовалось лечение. Козовой выставил нас в первый день, возможно, потому, что пытался найти какие-то каналы и вывезти архив в Париж. Обо всем этом нам никто не рассказывал. Видно, Вадим решил, что о чем-то мы должны знать, а если не знаем, то и нечего с нами объясняться, а чего-то мы не должны знать и тем более нечего нас информировать.

Два дня с утра до вечера мы разбирали папки. Мы с Еленой с трепетом брали в руки рукописи, письма. Моментами не верилось, что мы перебираем пастернаковские рукописи, хотя почерк поэта, который кто-то назвал «полетом ласточки» врезается в память, а после этих дней навсегда стал родным. Вадим Козовой разбирал с нами бумаги стоя, с мученическим видом, одной рукой, второй – подпирая спину. Время от времени он куда-то звонил и говорил, что еще не все решено.

На второй день выяснилось, что нам не собираются давать рукописи стихов для сборника, созданного в середине 50-х и не изданного при жизни поэта. Это была самая ценная часть архива. Я полагаю, что кто-то подтвердил Козовому, что часть удастся вывезти. Он заявил, что папку с рукописями сборника он не даст. Козовой стал приносить какие-то бумаги: короткие записки, расписки из издательств с подписями поэта. Он говорил: «Это рука Пастернака, вот эта бумага тоже пойдет по цене рукописи». У нас с собой был какой-то, не помню кем изданный циркуляр с ценами на рукописи. В нем были указаны абсурдные цифры. Рукописи произ-

ведений имели одну стоимость, письма иную, записки и прочее – третью. Помню, к примеру, письма Андрея Белого оценивались в 5-10 рублей. Козовой приносил машинопись со стихами и переводами Ивинской, на некоторых страницах была правка Пастернака. «Это тоже рукопись и пойдет по цене рукописи».

Я никогда не торговалась, и первый опыт приобрелся на пастернаковских документах. Во мне пробудились бойцовские качества. Возникло ощущение, что я должна как бы защитить Пастернака от бессовестного торга. Величие момента для нас соединилось с тем, что происходит нечто постыдное. Мы пытались представить, как бы сам Борис Леонидович оценил этот акт купли-продажи. Особенно стыдно стало, когда Вадим принес конверт с карандашной цифрой в углу: «Эта цифра написана рукой Пастернака, поэтому пойдет по цене рукописи...» Ситуация накалялась. Он торговался отчаянно, пытаясь заполнить брешь, образовавшуюся отсутствием важнейшей папки, множеством бумаг, в том числе, стихами Ольги Ивинской. Мы заявили, что не приехали за стихами Ивинской. Вадим ответил, что Пастернак ее ценил выше всех. Смотрел он на нас презрительно и за эти дни ни разу не предложил чаю или кофе.

Я в основном вела переговоры, Елена переписывала документы. К счастью, у нее были способности именно архивиста, она переписывала планомерно и скрупулезно.

Вечером мы дозвонились до Темо Бадурашвили. Сообщили о том, что рукописи сборника нам не дают. Директор сказал, что добудет дополнительные средства, чуть ли не 5 тысяч. Но мы должны привезти все. Вряд ли он осознавал бесценность именно этих рукописей, хотя чутье на настоящее и значительное у него было безошибочным.

На третий день мы поняли, что о сборнике не договоримся. Он так и оказался в Париже. Видимо, предполагаемая цена во Франции была несоизмерима даже с возможностями нашего директора. Среди переданных нам документов была первая машинописная редакция «Доктора Живаго» с рукописными правками мастера, стихи, переводы, переписка, материалы о романе. О самом архиве надо писать отдельно. Я впервые подписывала документ о покупке архива. Много для меня в эти дни было впервые и в единственный раз. Из Тбилиси должно было прийти подтверждение банковской операции, что для нас было уже вообще полной тайной.

В эти дни мы с Еленой повзрослели не на три дня. Лишь потом я оценила, сколь неосмотрительно было со стороны Темо Бадурашвили бросить нас в глубокую воду без всякой поддержки. Но, думаю, если бы поехали не мы, а кто-то из партийного окружения директора, архив, при всем желании Козового получить деньги, все же остался бы на месте, а потом благополучно отбыл во Францию.

Бумаги заняли две сумки. С нами пришел мой брат Петр, который в это время учился в Москве в аспирантуре. Надо сказать, что сумки оказались вполне весомыми. Мы простились с Вадимом с обоюдным облегчением.

Наш рейс был 29 декабря утром. С тем, что мы ни за

что не сдадим бесценную добычу в багаж, мы прибыли на Ленинградский проспект. Выяснилось, что рейс отложен. Весь день мы таскались по прилегающим к зданию аэровокзала заледенелым пространствам. Москва готовилась к Новому году, мы гордо переглядывались, думая о том, что никто не знает, какая ноша у нас в сумках. Мы с Еленой так запугали брата величием происходящего, что он не смел жаловаться. Поначалу, правда. Потом, когда ситуация затянулась, он робко предлагал, что классики могли бы писать менее объемно. Каждые два часа нужно было возвращаться в аэровокзал, чтобы узнать, что рейс отложен еще на два. Видно, общий стиль страны требовал такой переключки, чтобы пассажиры не расслаблялись.

На ночь нас отпустили, и мы свалились поспать у друзей, которые надеялись, что мы уже отбыли. Я узнала от своей подруги, что по «литературной» Москве поползли слухи: две грузинские девицы за бешеные деньги купили и увезли архив Пастернака. Меня переполняла гордость. Я была уверена, что документы должны быть в Тбилиси, а не, в данном случае какой-то, Франции. Все знают, какое место Грузия занимала в жизни поэта.

Сообщение о вылете должно было поступить в 7 утра. Проклиная Аэрофлот, мы прибыли на место. Рейс снова был отложен. Тогда я заявила, что если бы в стране был Аэрофлот и «Баэрофлот» какой-нибудь, над нами бы так не издевались. Видно, мелькнула здоровая мысль о пользе конкуренции, тогда еще весьма крамольная. 30 декабря мы провели на улице, несколько раз на полчаса вваливаясь к тетке Елены на Сокол. Дальше ехать было нельзя. В Москве местами стояли невероятные очереди. Дефицитным было все. В один из перерывов мы выстояли очередь за ветчинной колбасой, которую давали по 800 грамм на душу. Брат понуро отогревался в углу магазина с бесценными сумками. Вторая очередь была за конфетами. Я поняла, что явиться домой на Новый год из Москвы без конфет нельзя, даже если в двух сумках у нас архив Пастернака. Ночь мы просидели на вокзале, буквально обнимая сумки и пакеты с конфетами. Только в юности творятся подобные вещи. Нам даже не пришло в голову сдать архив в камеру хранения, хотя Бог знает, где бы он был в большей безопасности. Рейс объявили утром 31 декабря. Сумки требовали сдать в багаж. Мы умоляли, чтобы нам их дали с собой. Уж не знаю, как удалось уговорить, помню, что ходили в кабинет к какому-то начальнику. В полдень 31 декабря 1980 года архив Пастернака вместе с нами прибыл в Тбилиси, о котором поэт писал: «Этот город со всеми, кого я в нем видел и со всем тем, за чем из него ездил и что в него привозил, будет для меня тем же, чем были Шопен, Скрябин, Марбург, Венеция и Рильке – одной из глав Охранной Грамоты - длящейся для меня всю жизнь...» (Из письма к Паоло Яшвили, 1932 год).

Муж Елены, встречавший нас, при всем уважении к делу, был взбешен тем, что жена, вместо того, чтобы стоять 31 декабря на кухне, таскается по необъятной стране с бумагами. И при этом, падая с ног, чувствует себя героиней. Сумки мы оставили у меня и рухнули спать. Через час нас разбудил Теймураз Бадурашвили и потребовал

явиться на работу. Вместе с ним нас ждала заведующая фондами Ламара Диасамидзе. Нужно упомянуть, что Темо Бадурашвили встретил нас с шампанским. Это он умел. Бушевать и одновременно предлагать компенсацию. Мы с Ламарой Диасамидзе, которая относилась к документам с большой нежностью, описывали архив весь январь. Потом мы с Еленой начали над ним работать. Но это отдельная история.

В связи с архивом возник еще один, малоприятный для нас сюжет. Мы работали над ним не один год, были изданы статьи и впервые опубликованы многие доку-

Естественно, мы добавили, что работаем над архивом, опубликовали часть, что на нашу часть, хранящуюся в Музее дружбы, ссылаются все в исследованиях и изданиях Пастернака. Говорили о том, что пастернаковский архив делает честь любому собранию... Лицо ответило, что он сам не «пастух» (имелось в виду – «не вчера спустился с гор») и обещало рассмотреть. Не успели мы дойти до своего рабочего места, как директору было сообщено о нашем визите. Со мной директор не разговаривал вплоть до моего ухода из уже бывшего музея, да и я не рвалась с ним общаться. У нас с Еленой долго было

менты, и мы с Еленой уже подбирались к его изданию с научными комментариями. В конце 80-х в музее был уже другой директор. Он решил превратить Музей дружбы народов в Центр политических исследований. До сих не понимаю, чем ему мешали литературные архивы, но он решил от них избавиться и передать тому, кто возьмет. Естественно, Литературный музей охотно согласился. Ему же решено было передать Музей-квартиру Тициана Табидзе, который мы с такой любовью создавали. Мы с Еленой, считая, что пастернаковский архив – наше детище, ринулись его отстаивать. Нам не удалось попасть к президенту Академии, приняло нас иное высокое лицо. Я со своей неизбывной наивностью, думая, что перешла к сути проблемы, заявила ему напрямую: «Кто же отдает то, что уже есть и не требует ничего, кроме хранения?»

чувство утраты. Впервые я подумала тогда, а не лучше ли было бы этим документам во Франции? Хотя бы по условиям хранения.

Позже в Литературном музее пастернаковский архив был частично издан. На этом работа не должна завершиться. Я думаю, он должен быть издан с комментариями, с публикацией хранящихся в нем рисунков, с ярким рассказом о том, что же дала миру эта «кровная связь» русских и грузинских поэтов ушедшей поры. Эпохальных Поэтов и создателей высокого стиля человеческих отношений. Иначе, если пастернаковский архив не оживет, то стоит вспомнить завещание поэта «Не надо заводить архива...»

МАРИЯ ФИЛИНА

О, МАРУСЯ!..

Всю ночь над Тбилиси грохотали орудийные залпы - шел 1991 год. С Арсенальной горы обстреливался Дом Правительства, пылали жилые дома, стрельба и автоматные очереди стали в городе привычными.

В это утро, как обычно, в 10-30 утра из дома на площади Марджанишвили вышла пожилая стройная дама и бодрым деловым шагом направилась к мосту Элбакидзе, мимо универмага, и дальше вверх по Верийскому подъему, к проспекту Руставели. Это мама шла на работу в Оперный театр. На улицах было безлюдно. В подземном переходе ей преградил дорогу солдат с автоматом. «Но у меня в 11 часов репетиция!» - заявила мама. «Какая репетиция?! Идите домой, мадам, тут стреляют!» Она, возмущенно пожав плечами, повернула назад.

Последние годы она любила ходить на работу пешком - почему-то сняли с маршрута второй и третий троллейбусы, которые соединяли Плехановскую с проспектом Руставели. А до этого все водители знали ее в лицо - она часто, опаздывая, перебежала площадь Марджанишвили наискосок и махала рукой заворачивающе-

му троллейбусу - водитель открывал переднюю дверцу, замедлял ход, и она легко впрыгивала с передней площадки. В это время ей было уже под восемьдесят лет.

В тот день стреляли больше обычного. Трассирующие пули летели мимо нашего балкона, и мама, выйдя на балкон, крикнула мне: «Смотри, как красиво! Как светлячки!» И я, тоже никогда так близко не видевшая трассирующих пуль, наивно вышла посмотреть на это редкое зрелище.

Вечером одна пуля влетела в комнату (а жили мы на пятом этаже!) и, ударившись о стену, упала к моим ногам. Я подняла ее, теплую, подержала на ладони и сказала: «Мама, пора уезжать!» Мама вздохнула. В Москве жил уже сорок лет ее сын - мой брат, моя дочь и внучка, и все они хором требовали, чтоб мы перебрались к ним.

Репетиции в театре прекратились, да и спектакли тоже - в городе было холодно, не работало отопление, не было света, не было хлеба - тбилисцы помнят эту зиму.

В 1992 году мы с мамой переехали в Москву. Мама, очень жизнерадостный, деятельный человек, вдруг

попала в совершенно непривычную ей обстановку - жизнь без театра, без своих учениц-балерин - Иры Джандиери, Иры Ниорадзе, Марины Годердзишвили, Маки Махарадзе, без репетиций, без спектаклей, когда она, сидя на своем режиссерском месте, протанцовывала фактически все партии - смотреть на нее подчас было интереснее, чем на сцену, - без города, уютного, обжитого, где все ее знали и любили... Легко ли в восемьдесят два года осваивать новую жизнь?

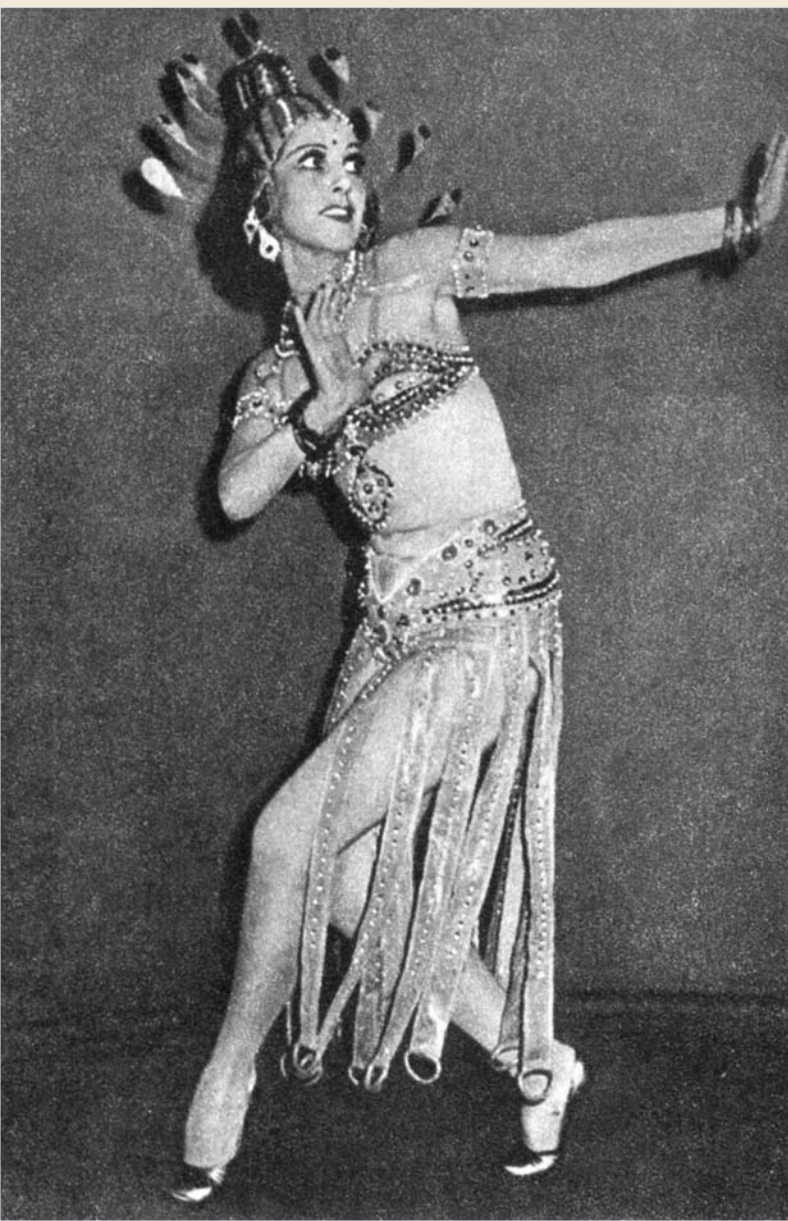
В Москве жили две мамы подружки - Ляля (Елена Георгиевна) Чикваидзе, мать Михаила Лавровского, и Марина (Ивановна) Казинец - Шах-Азизова. Е.Чикваидзе к тому времени уже не выходила из дому, и мама почти через день ходила к ней в гости. На уютной кухне в Брюсовом переулке они вспоминали свою молодость, «Ваханчика» (Чабукиани), Нину и Илико Сухишвили, декады грузинского искусства в Москве, годы учебы в Ленинграде...

Часто встречались они и с Мариной Казинец, разглядывали старые фотографии - вот они, обе молодые, красивые, нарядные, в модных шляпках, стоят в театральном садике, а вокруг них - их детки, маленькие, серьезные, прехорошенькие... теперь уже шестидесятилетние... Вот фотография первого выпуска хореографического училища, где и мама, и Марина Казинец работали преподавателями.

Она скучала по Тбилиси. Помню, стояло мне сесть за пианино, как рядом пристраивалась мама и просила: «Сыграй «Тбилисо»...» И я играла, и она подпевала, перевирая грузинские слова - за всю свою долгую жизнь в Тбилиси она так и не выучила грузинского, но ведь любить можно и без слов.

В московской школе, где училась ее правнучка, как-то к празднику понадобилось поставить цыганский танец - с каким удовольствием мама учила маленькую Ляку и ее партнера!.. «Цыганочка» удалась на славу - с теми самыми движениями, с той мимикой, с той пластикой, что жила в Марусе.

Часто мы с мамой и с семьей Шах-Азизовых ходили в Дом ученых, где перед началом концерта в большом фойе устраивали танцы. Играли старые танго и вальсы, и пожилые и очень пожилые пары с большим или меньшим умением кружились под музыку. И вот однажды заиграли какое-то особенно зажигательное танго, и моя мама, по-моему, неожиданно для самой себя! - одна, без кавалера, пошла танцевать. Все как-то сразу поняли «высоту полета» незнакомой исполнительницы и расступились, создавая площадку, а она, сделав несколько па, вдруг засмеялась и вернулась, немного смущенная, на место, к нам. «Ну, прямо как старая полковая лошадь при звуках трубы!» - рассказывала она сыну об этом эпизоде.

В Москве мама прожила три года - отметила свое 85-летие, окруженная семьей и старыми тбилискими друзьями: Одисеем Димитриади, Женей Геловани, Татой Мачабели, Рафиком Мерабовым, Мариной Казинец...

Похоронить себя мама завещала в Тбилиси, рядом с мужем, в Сабурталинском пантеоне.

В центре Тбилиси, на площади Марджанишвили, и сегодня стоят два красивых пятиэтажных дома с затейливыми башенками, построенные после войны пленными немцами. В них тогда поселилась элита грузинской интеллигенции: выдающиеся композиторы и художники, танцоры и певцы, светила медицины, профессора и академики. Нынче почти над каждым подъездом этих домов красуется по две-три мемориальных доски. Одна из досок сообщает, что с 1952 по 1992 год здесь жила знаменитая и любимая тбилисцами балерина Мария Бауэр - моя мама.

Вся ее жизнь протекла в Тбилиси: здесь она училась в студии Перини, здесь в 15 лет начала танцевать на сцене Оперного театра, сюда вернулась из Ленинграда, куда ее посылали учиться в знаменитое вагановское училище. Здесь она вышла замуж и родила детей - меня и брата, здесь похоронила в 1990 году любимого мужа, с которым прожила без малого 60 лет. И здесь прожила долгую творческую жизнь на сцене, став любимицей всего города.

Не буду перечислять, какие партии и концертные номера и в каком году танцевала моя мама - об этом можно прочесть в любом балетном справочнике и в Театральной энциклопедии. Расскажу только, КАК она танцевала.

Представьте себе полупустой зрительный зал оперного театра - идет рядовой, без звезд и гастролеров, спектакль «Кармен». И вдруг к IV акту, часам эдак к 11, зал начинает постепенно заполняться, заполняется, и к маршу тореадора в зале уже нет свободных мест. Звучит сюита из «Арлезианки» - вставной номер - и на сцену врывается вихрь - в рыжих золотистых кудрях, в развевающемся зеленом платье и с криком «Оле!», обращенном и к хору, и к оркестру, и к нам, зрителям. Заразительность этого «Оле!» такова, что зал отвечает ревом и аплодисментами - ради этого «Оле!» добропорядочные тбилисцы на ночь глядя покидают свои квартиры и спешат в театр, оно дает им испытать такой восторг, о котором можно вспоминать всю жизнь.

Прославленный музыкант Важа Чачава пишет об этом в «Независимой газете» в 1997 году: «В Тбилиси была такая балерина - Мария Бауэр. В ее бенефис она танцевала «Испанский танец» с великим Вахтангом Чабукиани. Такой испанский танец я увидел потом только в Испании. Публика ее обожала. В «Кармен» она танцевала в IV акте: на сцену выскакивала, как огненный шар. Не было спектакля, чтоб ее не бисировали. Когда я потом видел «Кармен», я всегда вспоминал Бауэр и мне всегда ее не хватало...» Статья была посвящена вовсе не балету, а именно эмоциям в искусстве, и для обозначения главного качества любо-

го артиста Важа Николаевич использует именно это - «заразительность».

«О, Маруся!» - так реагируют сегодня все тбилисцы старше шестидесяти лет на фамилию Бауэр. Весь Тбилиси звал ее Марусей. Она привыкла жить в окружении всеобщей любви, но восторги поклонников порой ее смущали. Однажды - ей уже лет 70 - Маруся сидит в амфитеатре на своем режиссерском месте. В театре премьера, полный зал. Впереди, в партере невысокий, ярко черноглазый плотный мужчина с седой бородой с темными подпалинами на щеках оглядывает публику - это знаменитый и экстравагантный Сережа Параджанов. Вдруг он видит мою маму. Повернувшись спиной к сцене и театрально воздев в приветствии руки, он возглашает на весь зал: «Приветствую гениальную и неповторимую балерину Марию Бауэр!» Публика начинает вертеть головами в поисках «гениальной и неповторимой», мама от ужаса почти сползает под кресло, а Сережа, послав ей воз-

душный поцелуй, довольный, садится на свое место.

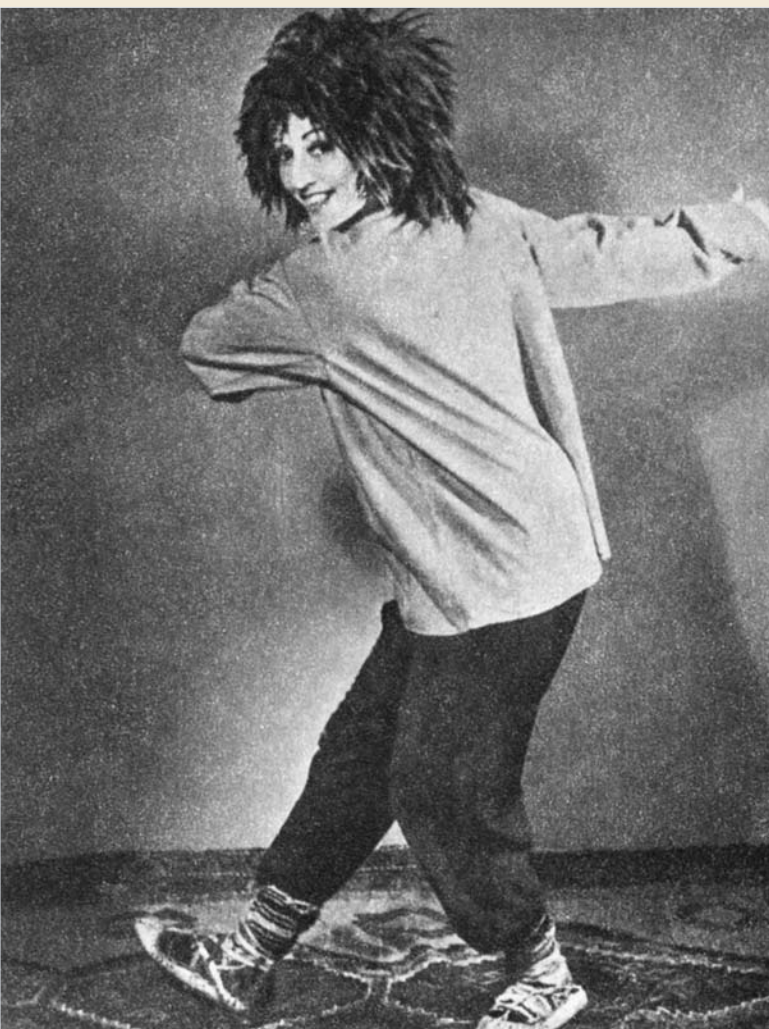
Встречая меня в городе, Параджанов говорил: «Ты знаешь, что у тебя гениальная мама? Гениальная! - и помахав перед моим носом толстым указательным пальцем, гордо добавлял: - Я не пропустил ни одного ее спектакля!» И таких страстных почитателей ее та-

ланта в Тбилиси было много. Кстати, тот же Параджанов собирался снимать маму в своем последнем фильме «Исповедь» в роли мадам Перини - итальянки-балерины, маминей первой учительницы. Уже шили костюмы, шли репетиции - смерть не дала Сереже снять эту картину.

В кино она снималась мало - всего несколько лент сохранили ее ослепительную улыбку, сияющие глаза и неповторимую пластику и темперамент: в фильме «Щит Джургая» в испанском танце, в «Мастерах грузинского балета» танец из балета «Синатле», в «Переполюхе в Салхинети», уже совсем не молодая, но такая же изящная и выразительная, она танцует с Зурабом Кикалейшвили что-то вроде болеро. В фильме «Восхождение на Эльбрус» она сыграла эпизод: странную пожилую даму, которая ищет своего петуха, и ищет так трогательно и наивно, что ее *заразительность* и в качестве драматической актрисы совершенно бесспорна. Нина Рамишвили, ее подруга юности, сказала

движение, стояла толпа. Вход в театр ограждала конная милиция. Толпа несколько раз прорывалась к дверям. Потом стояли в проходах галерки, на балконах, вдоль стен партера и амфитеатра...» - так вспоминает об этом писатель Армен Зурабов в своей статье, напечатанной в газете «Культура» уже к 85-летию мамы.

На том бенефисе я, помню, сидела в третьем ряду амфитеатра, рядом с братом и папой и слышала за своей спиной шепот: «Вот этот, седой - муж Бауэр... А эта, с косами - дочка Бауэр...» Мы все, до четвертого колена, всю свою жизнь воспринимались как нечто относящееся к «Бауэр». Моя дочка, писательница, под своей статьей, посвященной 95-летнему юбилею своей бабушки, так и подписалась: «Карина Зурабова, внучка Бауэр». И когда меня, знакомя с кем-то, представляли: «Это - дочка Бауэр!» - у людей светлели лица и они говорили одно и то же: «О, Маруся!.. Я помню ее в «Кармен!» (или в «Дон Кихоте», или в «Бахчиса-

на ее юбилее: «Если бы Маруся жила в Америке, там **на нее** писали бы сценарии и снимали фильмы!»

Бенефис Марии Бауэр был событием в культурной жизни Тбилиси: «25 марта 1956 года на проспекте Руставели, перед зданием Театра оперы и балета, заполняя тротуары и мостовую, перекрыв уличное

райском фонтане», или в испанском танце) - и смотрели на меня с еще не заслуженной мною лично любовью, с любовью, которая спустя столько лет после маминей смерти - дорогого стоит.

ЕЛЕНА БАРУТЧЕВА

Под музыку Пьяцоллы

Этот музыкальный вечер в Большом зале Тбилисской консерватории походил на изысканное пиршество, и аудитория была к этому готова: уже одно имя в программе - Астор Пьяцолла - привлекло множество почитателей гениального аргентинца. Tango nuevo (новое танго) - так сам Пьяцолла обозначил форму, стиль и, в первую очередь, наверно, - характер своей музыки, которую его соотечественники поначалу не приняли. И лишь после смерти теперь уже всемирно признанного маэстро, это имя стало в Аргентине предметом национальной гордости.

Старенький бандонеон, купленный в дешевой лавке за 19 долларов, отец подарил восьмилетнему

Астору в день рождения. Этот исконно аргентинский инструмент и танго, особенно, стиль танго, стали его любовью и судьбой. Еще в юности Пьяцолла знакомится с родоначальником современного аргентинского танго Карлосом Гарделем (ему принадлежит фраза «Я не могу сочинять танго, когда вижу в небе реактивный самолет» и это его известное танго обрело новую популярность после изумительного дуэта Аль Пачино и Габриэль Анвар в фильме «Запах женщины») и даже снимается вместе с ним в фильме об истории этого танца, ставшего одним из знаковых явлений минувшего века. Он много сочиняет, выступает в качестве бандонеониста с симфоничес-

кими оркестрами, стремясь вывести танго на большую концертную сцену (одним из первых опытов в этом направлении стала композиция «Buenos Aires» из трех симфонических пьес). Пьяццоллу подвергли обструкции, как ревнители «чистого искусства», так и приверженцы традиционного танго: концерт, в котором прозвучало его сочинение для двух бандонеонов и симфонического оркестра, завершился шумным скандалом и потасовкой (как это похоже на то, что, веком ранее, до Шопена и Штрауса, происходило с вальсом!). Он исследует творчество Баха, изучает Бартока и Стравинского, берет в Париже уроки композиции у Нади Буланже. Увлечение тан-

го и бандонеоном, кажется, осталось в прошлом. Но однажды, в порыве откровения, он сыграет Буланже свое танго «Triumfal» и услышит: «Астор, ваши классические пьесы написаны хорошо, но истинный Пьяццолла - он здесь, не изменяйте ему никогда».

В 80-е годы он пишет «Le Grand Tango» для виолончели и фортепиано, посвященное М.Ростроповичу, играет в ансамблях с Гидоном Кремером, Артуром Морейра Лима, с известными джазовыми музыкантами Чиком Кория и Джерри Маллигеном, участвует в джаз-фестивале в Монтре, выступает в парижской «Олимпии». Сохранив неповторимые, как у крепкой мадеры, терпкость и аромат традиционного танго, Пьяццолла наделил tango nuovo поистине баховской глубиной.

В этот вечер проводником в мир музыки Пьяццоллы стал прекрасный ансамбль замечательных музыкантов (обилия громких эпитетов трудно избежать) из Еревана, мастерство которых известно далеко за пределами Армении.

Необычный инструментальный квинтет «Каданс» соответствует составу ансамбля, для которого написана почти вся музыка Пьяццоллы: гитара (Акоп Джагаспанян), скрипка (Вараздат Хачумян), аккордеон (Геворк Гаспарян), контрабас (Хачатур Сарзян) и фортепиано (Армен Бабаханян).

Краткость пребывания музыкантов в Тбилиси не позволила подготовить этот материал оперативно, но говорить о такой музыке, право, никогда не поздно. Тем более что 11 марта исполнилось 85 лет со дня рождения Астора Пьяццоллы. А руководитель ансамбля «Каданс» Армен Бабаханян готов говорить о своем кумире бесконечно.

- Как возникла идея именно такого состава, - опять же, «танцуя» от Пьяццоллы?

- В принципе, действительно «танцуя» от Пьяццоллы, потому что лично я влюблен совершенно в эту музыку. Я впервые услышал ее в прочтениях Гидона Кремера, Марты Аргрич и Миши Майского. После смерти Пьяццоллы (композитор скончался в 1992 г., в возрасте 71 года - А.Б.) эти выдающиеся музыканты делали три концертных сезона, и назывались они «Tribute to Piazzolla», т.е., «Дань Пьяццолле». Они фактически познакомили публику разных стран с уникальным наследием Пьяццоллы. Услышав эту музыку, я был просто сражен совершенно...

- В ней столько эмоций, такая глубина...

- Да. И это, как сеанс гипноза, - очень зависит от того, как музыкант, исполняющий, импровизирующий, это передает, и как публика (очень важен такой контакт) это воспринимает.

- И как вы к этому шли?

- Очень трудно было доставать нотный материал, потому что, к сожалению, Пьяццолла не записывал свои произведения. Он создал квинтет с оригинальным составом инструментов, и мы решили собрать такой же ансамбль, потому что впоследствии появилось очень много аранжировок и разных версий - и для оркестров, и дуэты, и трио, и т.д. Но аромат этой музыки, обаяние композитора раскрываются

именно в этом наборе инструментов, очень неожиданных, казалось бы, трудно сочетаемых, но в целом, когда они начинают играть вместе, то приближаются, я бы даже сказал, к звучанию оркестра. Так что, в первую очередь, было желание играть, познакомить нашу публику с этой музыкой, потому что ее мало знали (кроме, разве что, знаменитого «Либертанго», которое постоянно используется, где только можно, включая рекламу). К сожалению, это произведение стало как бы «визитной карточкой» Пьяцоллы. К сожалению, - потому что у него немало гораздо более интересных (и по содержанию, и по философии) произведений, в чем слушатели могли убедиться. Мир Пьяцоллы очень неординарен, он вообще мыслит другими категориями. Он не получил академического образования, но в его судьбе были люди, оказавшие ему просто неоценимую поддержку, - Артур Рубинштейн, Надя Буланже, Артуро Микеланджели. Но он, в принципе, - самородок, потому что был не только композитором, но и блестящим бандонеонистом.

- Кстати, и у вас аккордеон моментами напомнил звучанием бандонеон ...

- А мы к этому и стремились. Это уникальный инструмент, о котором вообще нужно отдельно говорить. Мы уже приобрели бандонеон, и сейчас наш аккордеонист тщательно его изучает, - он очень сложный. Инструмент маленький, похож на гармонь, причем кнопки расположены сбоку, когда он открывается, звучит одна нота, а когда закрывается - другая, и это требует определенной техники, сноровки.

- Как удалось собрать ансамбль такого класса?

- Создавая группу, мы перебрали немало музыкантов, - в этом ансамбле необходимо, чтобы люди были схожи не только творчески, но и чисто человечески. «Каданс» существует недолго, около двух лет. Мы сыграли наши первые концерты в Армении, они прошли с достаточно большим успехом. А потом уже нас пригласили в Аргентину, и это были наши первые выездные концерты.

- Представляю, как вы волновались...

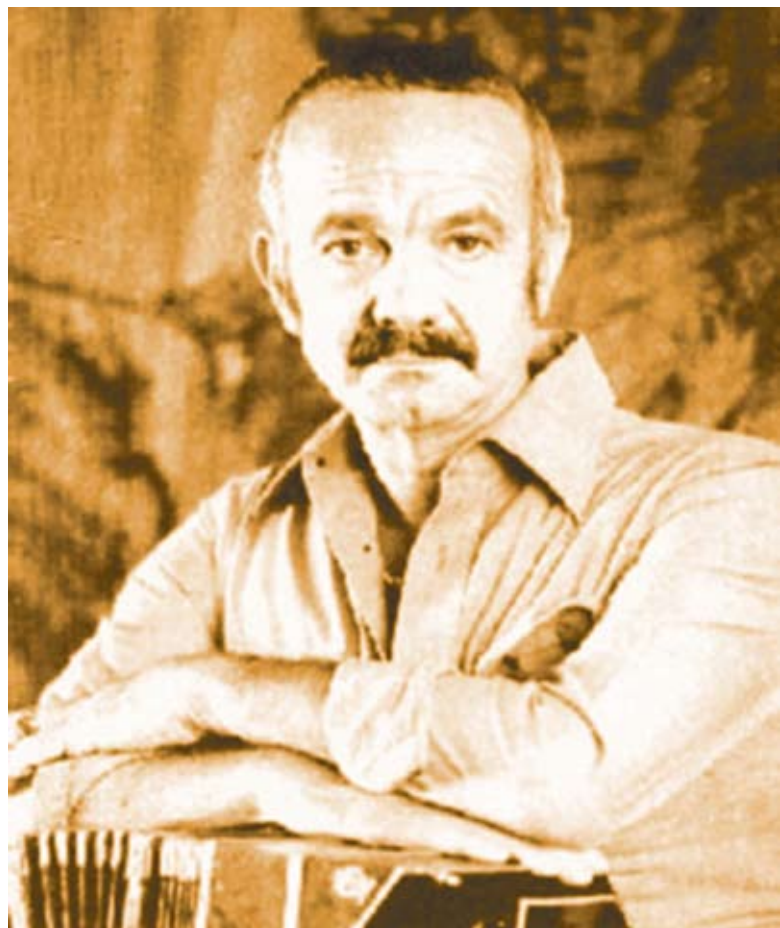
- Мы буквально тряслись, потому что попали на родину Пьяцоллы, - это все равно, что играть Моцарта в Зальцбурге. И это сейчас аргентинцы боготворят Пьяцоллу, - раньше они, наоборот, его не признавали.

- Сказывалось, наверно, ревностное отношение к традиционному танго...

- Знаете, я тоже так думал, - танго ведь тоже совершенно очаровательная вещь, - но тут другое: это шедевры, высокоинтеллектуальные произведения. Вот и названия номеров, которые мы сегодня играли, - «Смерть ангела», «Возрождение ангела»... Есть произведение «Тангедия», причем, по словам самого композитора, оно имеет второе название - «Ла каморре», что на сленге означает «бордель». Но не в физическом смысле слова, а в моральном...

- Падение общественных нравов...

- Именно. Что приводит к трагедии, которая, через танго, вылилась в тангедию, - вот такой смысл.

Полет мысли у него очень интересный. У него тяжелая жизнь была, кидала его в разные стороны. Пьяцолла был одержим совершенно, скончался от рака мозга. Он создавал свою музыку, не надеясь на какие-то дивиденды. Это и есть, мне кажется, эталон музыканта, художника.

- Вы исполняете и музыку великих Комитаса, Хачатуряна, мелодии Саят-Нова, танго Карлоса Гардела, и все это звучит совершенно органично...

- Спасибо. Но, собственно, идея создания этих аранжировок была вызвана не просто желанием исполнить, скажем, что-то из армянской музыки. Нет, у нас вот этот цикл (а их в нашем репертуаре немало, не только Комитас и Саят-Нова, - там есть и Ширин, и Дживани, очень много ашугов) носит название «Народные метаморфозы» - это попытка немного иначе взглянуть на народную музыку. Может, сквозь призму уже современного мышления, может, каких-то новых веяний. И народная музыка прекрасна тем, что всегда можно рассматривать ее под разными углами. Так вот идея заключалась в том, чтобы совершенно неприемлемыми, на первый взгляд, и непопулярными для армянской народной музыки инструментами подать ее лучшие образцы. Я всегда завидовал удивительному гению того же Бартока, который смог сделать собственно народную музыку, можно сказать, международно общепринятой.

- Причем не только венгерскую, но и румынскую...

- Естественно. И эти народные мелодии стали абсолютно доступны всему миру, будь то китаец, англичанин или американец. Мы, безусловно, преклоняемся перед народной музыкой, без нее мы лишены наших корней, но хочется, чтобы эта великая музыка стала понятной и для других народов тоже. Поэтому, это какие-то эксперименты, что-то удастся, что-то – нет, мы постоянно в поиске и стараемся найти свой язык.

- А, скажем, грузинскую или русскую музыку вы пробовали играть?

- Бесспорно, мы собираемся расширять репертуар, включать в него подлинные фольклорные жемчужины, - их, ведь, у всех нас так много. И над этим предстоит еще много работать. Кстати, даже находясь здесь так недолго, мы успели ощутить эту истинно тбилисскую атмосферу дружеской непосредственности и тепла. Я желаю всего самого доброго грузинскому народу. Я помню – и по рассказам моих родителей, и сам приезжал в Тбилиси и чувствовал это, – тогда, в советское время, дружба народов была не только декларирована, - само это слово, понятие, было естественным. А сейчас есть действительно большая потребность в этом.

- Музыка Пьяцоллы свойственна, мне кажется, какая-то особенная магия...

- Эта музыка удивительно чиста, потому что она идет от сердца, хотя здесь всегда кипение страстей, но при этом очень хрупкие взаимоотношения, нет примеси современного, скажем так, американизма,

получившего, к сожалению, такое распространение. Она, сама по себе, дает какой-то уникальный позитив, заряд энергии, - мы от нее не устаем. Пьяцоллу можно признавать или отвергать, но ни один человек не сможет остаться равнодушным, просто встать и уйти.

Вообще человеческое общение, мне кажется, должно строиться на призыве к добру. В каком бы сложном, противоречивом мире мы ни жили, - надо делать добро вопреки жестокости. И вот сама аура того концерта в вашем прекрасном зале с прекрасной публикой очень нам помогли.

Мне хочется пожелать всем, насколько это возможно, относиться друг к другу с терпением. Потому что все абсолютно люди могут ошибаться, и, мне кажется, лучше выслушать внимательно, чем пытаться навязывать свое мнение. Это важно, сейчас очень важно, потому что агрессия – она до добра, мне кажется, не доведет. А эта музыка несет в себе добро, боль, радость, страдание, страсть, любовь, - все, чем живет человек, но агрессии она лишена.

АНДРЕЙ БЕЛЯВСКИЙ

ИГРАЕМ В СОФТБОЛ

В нынешнем году день 8 марта участницы сборной Грузии по софтболу отмечали одновременно с юбилеем – пятидесятилетием появления этого вида спорта в стране.

Софтбол – это тот же бейсбол, только несколько более soft (мягкий, нежный). Та же игра, но как бы адаптированная для представительниц прекрасной половины человечества. На родине – в США – ее долгое время считали чем-то вовсе не серьезным. Тем не менее, этот вид спорта развивается и даже входит в программу Олимпийских игр. В Грузии единственная секция софтбола действует в спортивной школе олимпийских резервов, которая, как видно из ее названия, призвана ковать кадры олимпийцев.

Основатель и бессменный руководитель секции Гия Кемоклидзе когда-то всерьез занимался легкоатлетическим десятиборьем, был призером чемпионата Советского Союза. Он закончил Тбилисский институт физкультуры (ныне – Академия физической культуры и спорта), и уже более 30 лет преподает на кафедре легкой атлетики этого вуза.

Гия Кемоклидзе был в числе энтузиастов, которые в середине 80-х годов прошлого столетия поло-

жили начало бейсболу в Грузии. Он же в начале 90-х набрал первую в Грузии команду софтболисток из студенток-физкультурниц.

– Появление и развитие бейсбола в СССР, – вспоминает тренер, – было как бы санкционировано свыше соответствующим решением Спорткомитета Советского Союза. С софтболом произошло иначе. Группа студенток Института физкультуры, зная, что я имею какое-то отношение к бейсболу, обратилась ко мне с просьбой помочь им освоить женский вариант этой игры. Я согласился, и мы начали работать. В команде собрались физически прекрасно подготовленные спортсменки – волейболистки, теннисистки, мастера легкой атлетики. У многих из них уже были к тому времени титулы, громкие имена, известные в спортивных кругах и среди болельщиков. Несмотря на это, девушки со старательностью учеников-первоклашек начали осваивать новый вид спорта, о котором до тех пор знали разве что по газетным публикациям об «их нравах». Вскоре они уже показывали вполне приличную игру. Слухи о новой команде распространились по городу. К нам начали приходиться и другие девушки. Через какое-то время на базе команды была учреждена спортивная секция.

Произошло все это в не самое лучшее для грузинского спорта время. Резкое сокращение государственного финансирования не только не способствовало развитию новых видов спорта, но на долгие годы вызвало стагнацию и там, где грузинские спортсмены традиционно были сильны.

- В первые годы, - признается Гия Кемоклидзе, - мы работали вопреки всему. Впрочем, тогда у нас и амбиций никаких не было. Девушки просто хотели играть в софтбол и старались делать это как можно лучше. Нельзя, впрочем, утверждать, что нам вовсе никто не помогал. К тому времени в Тбилиси уже была хорошая бейсбольная команда, которая взяла над нами шефство. Много значило уже то, что опытные бейсболисты регулярно играли с девушками по правилам софтбола, и именно это было тогда решающим фактором повышения мастерства спортсменок. Серьезную поддержку оказали секции зарубежные организации, в первую очередь, Международная федерация софтбола и Ассоциация молодых христиан США. Благодаря этим структурам мы по сей день обеспечены формой и инвентарем. Это уже большое дело. Костюмы для игры, биты, ловушки для мячей, сами мячи довольно дороги.

Когда смотришь на девушек во время игры, действительно складывается впечатление, что упакованы они отменно. В яркой форме, с битами и небольшими мячами в руках, они кажутся как бы по ошибке попавшими в нашу действительность с обложки американского глянцевого журнала. К мужчинам-бейсболистам отношение все-таки другое. К ним у нас давно привыкли. Я живу в районе ипподрома, и часто вижу на поле людей, играющих в эту очень подвижную, жесткую и достаточно, на посторонний взгляд, агрессивную игру. Обычно среди них много иностранцев. Но не меньше и соотечественников всех возрастов. Женщин, играющих в софтбол на ипподроме, видеть как-то не приходилось. Впрочем, как не приходилось видеть и женщин, играющих в волейбол. Уличный, дворовый, самодеятельный, так сказать, спорт всегда был у нас преимущественно «мальчишеским».

Впервые увидев самую популярную в Америке спортивную игру в женском исполнении, я был вынужден признать, что, несмотря на динамику и жесткость, состязание красиво, а спортсменки выглядят грациозно и женственно. Невольно вспомнилось, как много лет назад мне очень понравилась девушка, занимавшаяся в секции дзюдо. Когда же новая приятельница пригласила меня на тренировку, я с удивлением убедился, что броски, подсечки и другие элементы бойцового искусства могут выполняться красивой женщиной на уровне высокого изящества.

Софтбол отличается от бейсбола незначительными частностями. Подачи битой здесь осуществляются из положения “под плечом”, тогда как там - из положения “над плечом”. Мяч в софтболе больше и тяжелей, зато летит медленнее, со скоростью 60-70 миль в час против 100 миль в час, с которыми посылает мяч бита бейсболиста. Площадка для игры немного меньше, и продолжительность матча короче. Вот, пожалуй, и вся разница.

Правила в обеих играх практически одинаковые. Я, правда, никак не мог самостоятельно уяснить себе их сути до того, пока Гия Кемоклидзе не внес некоторую ясность.

- В бейсболе и софтболе, - рассеял мои сомнения Гия, - многое похоже на старинные грузинские игры

в мяч, такие как “чити хезе”, “гасла бурти”, есть элементы, характерные для русской лапты. Игры интересны, требуют умения быстро ориентироваться, самостоятельно принимать решения. В них не бывает стандартных ситуаций. И, конечно же, бейсбол и софтбол умело популяризируются американскими фильмами, книгами, средствами массовой информации. Когда я сам увлекся бейсболом, это обстоятельство было для меня решающим. В эти игры сегодня играют во всем мире, на Востоке и на Западе, и я не вижу причин, почему наша страна должна быть в этом смысле исключением.

Она им, к слову, ни в коей мере и не является. В секции софтбола в Тбилиси сейчас занимается около пятидесяти девушек 10-12 лет и старше. А грузинская команда давно играет на международном уровне. Она - победитель открытого чемпионата России, неоднократный чемпион стран СНГ, выходила в финалы чемпионатов Европы, а однажды, в 1995 году, стала финалистом чемпионата мира. Имена тбилисских софтболисток Кетеван Патаркалишвили, Анны Кахиани, Алены и Татьяны Григорьевых, Кристины Мурашовой и других хорошо известны в профессиональных кругах далеко за пределами страны. Грузинские спортсмены являются полноправными членами Международной федерации софтбола, объединяющей секции и команды из почти 130 государств со всех континентов.

Активное развитие этого вида спорта и его популярность вызвали необходимость в подготовке новых тренерских кадров. Четыре года назад Тбилисская академия физкультуры и спорта выпустила первых в Грузии четырех дипломированных тренеров по бейсболу, которые и помогли Гие Кемоклидзе осуществить замысел, вынашиваемый им много лет.

С сентября 2004 года при поддержке Международной федерации софтбола и Всемирной федерации детского бейсбола в Тбилиси начала действовать базовая детская секция, в которую принимают мальчиков и девочек 6-8 лет.

- Мы хотим сформировать детскую бейсбольную команду, которая могла бы участвовать в международных турнирах, - говорит Гия. - Впрочем, наши ребята и сейчас регулярно играют со сверстниками-иностранцами. Я часто привожу воспитанников базовой секции в действующую в Тбилиси школу для детей зарубежных граждан, открытую посольством США, где веду занятия по бейсболу, софтболу и американскому футболу, чтобы они могли сразиться с ее учениками. И хотя иностранцы - тоже мои ученики, мне приятно, что наши легко одерживают победу.

Есть еще один вопрос, стоящий сегодня перед грузинскими спортсменами. От Международной федерации софтбола недавно поступило предложение учредить в Тбилиси региональный центр софтбола, призванный координировать развитие этого вида спорта в государствах Южного Кавказа, Турции, некоторых странах Черноморского бассейна и т.д. Вопрос об открытии такого центра практически уже решен.

ДЭВИ БЕРДЗЕНИШВИЛИ

ФЛАГМАН РОССИЙСКОЙ АВИАЦИИ

ИНТЕРВЬЮ С ГЛАВОЙ
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА
«АЭРОФЛОТА» В ГРУЗИИ
АЛЕКСАНДРОМ ГРЕХОВЫМ

- «Аэрофлот» - известная в мире авиакомпания. Долго вы шли к успеху?

- История «Аэрофлота» - неотъемлемая часть истории Российского государства. За более чем 80-летний период существования «Аэрофлот» сохранил позиции национального лидера в гражданской авиации, торговую марку, которая по-прежнему узнаваема во всем мире и обеспечивает компании международное признание.

В 1991 году, после распада СССР, компания ОАО «Аэрофлот – российские авиалинии» стала правопреемником наименования торговой марки «Аэрофлот». Операции в международном воздушном пространстве, наведение незримых, но прочных мостов между странами, работа над созданием достойного имиджа России по всему свету по-прежнему остаются главным направлением деятельности «Аэрофлота». Сегодня ОАО «Аэрофлот – российские авиалинии» (ПТС: AFLT) – крупнейшая российская авиакомпания. Учредитель ОАО – Правительство Российской Федерации - 51% акций принадлежит государству, 49% - трудовому коллективу авиакомпании и другим юридическим лицам.

Что касается представительства «Аэрофлота» в Тбилиси, необходимо отметить, что мы здесь находимся уже 12 лет и это говорит о том, что «Аэрофлот» любим, у него есть свои пассажиры, которые летают исключительно самолетами этой авиакомпании. Наша компания обслуживает разноплановый контингент пассажиров. Начиная от представителей государственных структур, бизнесменов и заканчивая простыми гражданами. «Аэрофлот» доступен всем.

Один из ключевых факторов конкурентоспособности «Аэрофлота - российские авиалинии» сохранение и дальнейшее расширение позиций на рынке магистральных авиаперевозок в Московском авиационном узле. То есть все перевозки должны выполняться через Москву. Это удобно и для пассажиров. К примеру, из Тбилиси мы летаем в Москву, дальше задача «Аэрофлота», как компании с широкой сетью маршрутов по всему миру, обеспечить

удобные стыковки с минимальной затратой времени на пересадку в Москве. Можно сказать, что из Тбилиси пассажир может попасть в любую точку мира куда пожелает.

- Кстати, каковы цены на билет Тбилиси-Москва и с чем связано их формирование?

- «Аэрофлот» не пытается забрать все деньги пассажиров себе. Компания старается получить лишь минимальную прибыль от этой линии для того, чтобы развиваться дальше и обеспечить пассажиров высоким уровнем обслуживания.

Цены на билеты устанавливают сами авиакомпании, в их формирование вкладывается несколько основных принципов: линия должна быть минимально прибыльной и учитывается покупательная способность пассажиров. То есть, существует тарифы, которые устанавливают перевозчики и тарифы, устанавливаемые аэропортами, местными органами управления гражданской авиации. Которые вводят свои дополнительные таксы и сборы. Например, не секрет, что в связи с началом строительства нового терминала в Тбилиси, турецкая компания ввела дополнительную таксу в 22 доллара США с каждого пассажира. Если билет стоит 150 долларов, то пассажир должен доплатить пять долларов в Администрацию гражданской авиации, 22 доллара за строительство нового терминала... Исходя из этого, цена на билет, конечно, немного возрастает. Поэтому наши дорогие пассажиры должны понимать, что не все деньги, которые они платят за перевозку идут в авиакомпанию. «Аэрофлот» делает все, что в его силах, чтобы защитить интересы своих пассажиров, старается минимизировать дополнительные сборы. Сегодня цены на билет не могут быть ниже тех, которые установлены авиаперевозчиком, в связи с ростом цен на авиакеросин. В противном случае компания просто не сможет существовать.

Мы хотели бы, чтобы и остальные сборы были как можно меньше.

- Что можно сказать об уровне обслуживания пассажиров?

- Уже который год мы работаем над тем, чтобы уровень

обслуживания наших пассажиров был максимально высоким. По последним оценкам Независимой экспертной комиссии, авиакомпания «Аэрофлот» среди европейских авиакомпаний заняла призовое место. Это говорит о том, что компания хорошо зарекомендовала себя как в России, так и в Европе, а характер доходности международных рейсов показывает, что это компания признана и во всем мире.

В 2004 г. «Аэрофлот» завершил основную часть проекта ребрендинга, были разработаны и утверждены миссия и ценности компании, новым лозунгом стали обращенные к пассажирам слова «Искренне Ваш», что отражает корпо-

ративную философию «Аэрофлота» как современной сервисной компании.

Продукт «Аэрофлота» - это также расширение парка самолетов нового поколения Airbus 319/320 и Boeing 767, оборудование салонов высоких классов новыми комфортабельными эргономичными креслами-коконами. Дифференциация сервисных элементов на борту и насыщение их характеристиками нового имиджа «Аэрофлота». Введение новой системы развлечения DigEplayers Video-on-demand на средних и дальнемагистральных маршрутах.

Новая концепция сервиса «Русское гостеприимство с элементами лучших традиций и современного образа жизни, оказанное искренними, радушными людьми» — это индивидуальный подход персонала, обученного по системе «Care», к каждому пассажиру. На маршрутах нового сервиса предлагаются карты меню и вин.

Также одним из достижений стала программа - поощрение «Аэрофлот Бонус», которую осуществляет наше представительство в Тбилиси. Это великолепная программа для часто летающих пассажиров. Если пассажир летает больше, чем 3-4 раза в год для него выгодно принять участие в этой программе. «Аэрофлот-Бонус» предусматривает стимулирование часто летающих пассажиров. В зависимости от того расстояния на которое он выполняет полет ему начисляются баллы. И за определенное количество набранных баллов пассажиру предоставляется бесплатный авиабилет, либо повышение в классе обслуживания - с эконом-класса до бизнес-класса ... Набравшим большое количество баллов выдаются серебряные и золотые карты-бонус, которые позволяют уже постоянно пользоваться

услугами пассажиров бизнес-класса. Это очень удобная программа, которая ничего не стоит пассажиру. От него требуется лишь заполнение определенной формы и затем - по Интернету- контроль количества набранных баллов... После чего можно прийти в представительство компании и выписать себе бесплатный билет.

Кроме этого, при сравнении результатов исследований за разные годы заметна тенденция улучшения работы бортпроводников и в целом сервиса на борту. Можно отметить положительную динамику и в отношении пассажиров к «Аэрофлоту» в целом.

ОАО «Аэрофлот - российские авиалинии» не только сохранил за собой парк самолетов, сеть международных маршрутов и определенные обязательства советского «Аэрофлота», но и унаследовал его лучшие традиции. «Аэрофлот» объявил о новой услуге по on-line бронированию, а также о планируемом внедрении технологии «электронного билета», которая уже проходит тестирование. В марте 2006 г. авиакомпания вступает в альянс с самыми крупными мировыми авиаперевозчиками «Sky Team». Более 100 авиакомпаний входящих в этот альянс, перевозят за год свыше 300 млн. пассажиров. У «Аэрофлота» уже есть 23 авиакомпании-партнера, рейсами которых может воспользоваться пассажир «Аэрофлота».

-Насколько конкурентоспособен «Аэрофлот» на международном рынке и рынке стран СНГ?

«Аэрофлот» — крупнейшая российская авиакомпания со статусом национального перевозчика - контролирует примерно 39% международного рынка пассажирских авиаперевозок. В 2004 г. более 70% от общего числа перевезенных компанией пассажиров пришлось именно на международные авиалинии.

«Аэрофлот» выполняет полеты в 90 городов 42 стран мира. В 29 пунктов - на территории России. Компания имеет 111 представительств, 84 из них - за рубежом, 27 - на территории России. Самолетный парк насчитывает более 100 воздушных судов. В компании работают около 15 тыс. человек.

У «Аэрофлота» крупнейший в Восточной Европе Центр управления полетами. Сам процесс автоматизирован в реальном времени и обеспечивает высочайший уровень безопасности - 99,94%. Это мировой стандарт уровня надежности авиалиний. Исходя из этого видно, что на международном рынке мы сделали значительные шаги вперед.

Что касается рынка СНГ, то здесь ситуация еще лучше. Потому, что, - может быть, даже, к сожалению, конкуренции здесь почти нет. Это, на мой взгляд, обусловлено непростой экономической ситуацией в странах СНГ, что и сдерживает рост национальных авиаперевозчиков. «Аэрофлот», безусловно, и здесь является лидером.

Новый девиз - «Искренне Ваш. Аэрофлот» - как нельзя лучше отражает сущность нашей работы, ведь мы искренне любим Вас, наших пассажиров, и стремимся стать именно Вашей авиакомпанией. Для этого мы и работаем и с уверенностью можем сказать, что наша работа приносит свои плоды. Вы, наши пассажиры, зачастую сознательно выбираете нашу авиакомпанию, отдавая ей предпочтение перед многими другими. Потому, что «Аэрофлот» - это новейшая техника, высокий уровень сервиса, радушное гостеприимство и самые красивые русские девушки, олицетворяющие собой символ чистоты, нежности и женственности ...

А для нас ваш выбор - это не только радость, но и огромная ответственность.

ЛИЯ БЕНДУКИДЗЕ

ВРУБЕЛЬ

Жизнь Врубеля - дивная патетическая симфония, полнейшая форма художественного бытия.

А.Н.БЕНУА

Михаил Александрович Врубель – одна из самых трагических фигур русского искусства рубежа XIX-XX веков, чье имя еще при жизни стало легендой. Новизна художественных приемов его творчества одними современниками безоговорочно воспринималась как гениальность, у других же, заклеивших его обидной кличкой «декадент», вызывала завистливую враждебность.

Родился Врубель 5 марта 1856 года в Омске. Отец его служил по военному ведомству, и семья была вынуждена часто переезжать из одного конца России в другой. В гимназические годы будущий художник был разносторонне образованным, обожавшим театр и музыку юношей. Поступив на юридический факультет Петербургского университета, он начал часто посещать Эрмитаж и выставки живописи, стал много рисовать сам и, в конце концов, осознал свое подлинное призвание.

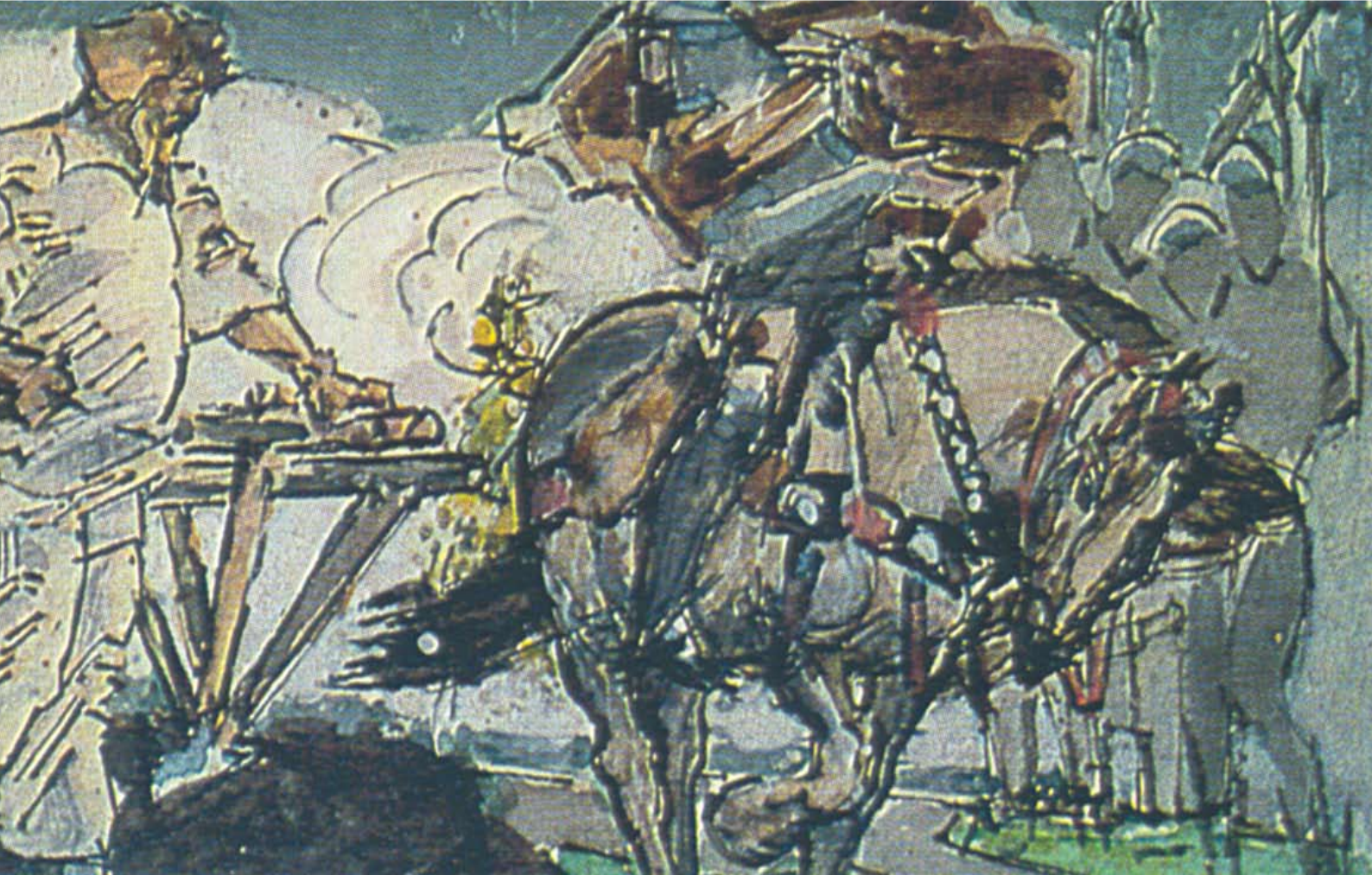
Одержимость живописью все больше овладевала им и, закончив университет, он тут же поступил в Петербургскую Академию художеств. Большой удачей для него

стало обучение у П.П.Чистякова. Строго придерживаясь своей особой системы обучения, Чистяков не подавлял индивидуальные склонности своих учеников, давая им возможность свободного проявления творческих наклонностей. Врубель, исполняя обычные учебные задания, больше всего любил этюды с натуры, называя этот процесс «любовными беседами с природой». Он учился смотреть и видеть, стремился изошрить свое зрение так, чтобы ему стал доступен мир «бесконечно гармонирующих чудных деталей».

Свое предназначение художника Врубель видел в том, чтобы «будить души от мелочей будничного величавыми образами». И этот принцип стал определяющим для всего его творчества.

Привитое учителем пристальное, проникающее в глубины форм наблюдение природы, натренировало его глаз настолько, что он безошибочно различал все плоскости и грани любого природного объекта. Поэтому на его картинах предметы иногда напоминают скопления сросшихся кристаллов. Так сформировался его творческий метод декоративного преображения природы.

Проницательный Чистяков сумел разглядеть необычную одаренность своего ученика и без колебаний рекомендовал его для проведения реставрационных работ в

древнем храме Кирилловского монастыря под Киевом. Так, весной 1881 года, не завершив обучения в Академии, Врубель вступил в самостоятельную творческую жизнь.

Приобщение к монументальному византийскому и древнерусскому искусству помогло ему обрести одно из основных качеств его творчества – величавую экспрессию. Поездка в Венецию, где он, работая над заказанными ему иконами, знакомился с работами великих мастеров венецианской живописной школы, усовершенствовала его дар колориста.

По возвращении в Киев художник собирался принять участие в росписи строящегося Владимирского собора, но его эскизы были отклонены, как не соответствующие духу православия. В Киеве были им созданы две картины, в которых проявилась тяга к цветистому стилю пряного Востока: «Восточная сказка» и «Девочка на фоне восточного ковра». Но именно тогда, в Киеве он нашел свою тему, которая сопровождала его всю жизнь – тему Демона.

Переезд в Москву в 1889 году означал начало нового жизненного и творческого этапа. Там в 1890 году фактически начинается работа над обширной «демонической» сюитой, включавшей живопись, графику и скульптуру. Демон стал для Врубеля олицетворением вечной борьбы мятущегося человеческого духа, который ищет и не находит ответа на свои сомнения ни на земле, ни на небе.

Знакомство с известным промышленником, меценатом и творчески одаренным человеком Саввой Мамонтовым, участие в работе его абрамцевских мастерских, занимавшихся поисками новых форм декоративно-прикладного искусства с использованием старинных народных ремесел, раскрыли еще одну грань врубелевского таланта – его универсальность. Ему все оказалось подвластным: монументально-декоративные панно, скульптура, керами-

ка, витражи, прикладное искусство. Особенно он увлекся поэтической стихией русского народного эпоса.

Летом 1896 года в Нижнем Новгороде открывалась Всероссийская торгово-промышленная выставка-ярмарка и при ней – художественный отдел. С.И.Мамонтов добился, чтобы для украшения этого павильона Врубелю были заказаны два громадных, длиной до 20 метров, декоративные панно. Темы выбрал сам художник. Одно панно изображало «Принцессу Грезу», романтическую, «общую всем художникам мечту о прекрасном», а другое – богатыря Микулу Селяниновича, как «выражение силы земли русской». Так определил содержание картин сам художник.

Отличавшиеся оригинальностью замысла и свежестью письма, оба панно вызвали резкое неприятие консервативного жюри Академии художеств, запретившего их экспонировать. И тогда С.И.Мамонтов на свои средства воздвиг отдельный павильон для демонстрации врубелевских картин.

К сожалению, обе работы утрачены и судить о них можно лишь по сохранившимся эскизам, отражающим разные стадии работы художника, поиски композиционного и декоративного решения.

Один из таких эскизов «Микулы Селяниновича», исполненный тушью, пером, акварелью и гуашью, хранится в Государственном музее искусств Грузии. «Микула Селянинович» – это эпизод из русского былинного эпоса, повествующий о том, как простой пахарь посрамил надменного варяжского богатыря Вольгу, кичившегося своей силой, но не сумевшего поднять узелок с сырой землей. Это столкновение двух эпических богатырей художник передает через противостояние двух мощных фигур: Микула стоит уверенно и твердо, Вольга – весь экспрессия и ярость.

Начиная с этой композиции, Врубель полностью погружается в волшебный мир русских сказок и мелодичной музыки опер Римского-Корсакова. Так появляются его знаменитые картины-фантазии конца 1890-х - начала

1900-х годов - «Морская царевна», «Пан», «Царевна-Лебедь», «Сирень». Природа на этих картинах так же одухотворена и таинственна, как и сказочные персонажи. Меняется и красочная палитра художника: от россыпи сверкающих драгоценными самоцветами картин киевского периода она переходит к трепетным, перламутровым переливам опала.

Однако сказочная и былинная тема не смогла вытеснить из сознания Врубеля трагический образ Демона, овладевшего всеми его помыслами. Ему мерещится нечто грандиозное, патетическое: представляется Демон, то летящим навстречу гибели, то видится уже поверженным.

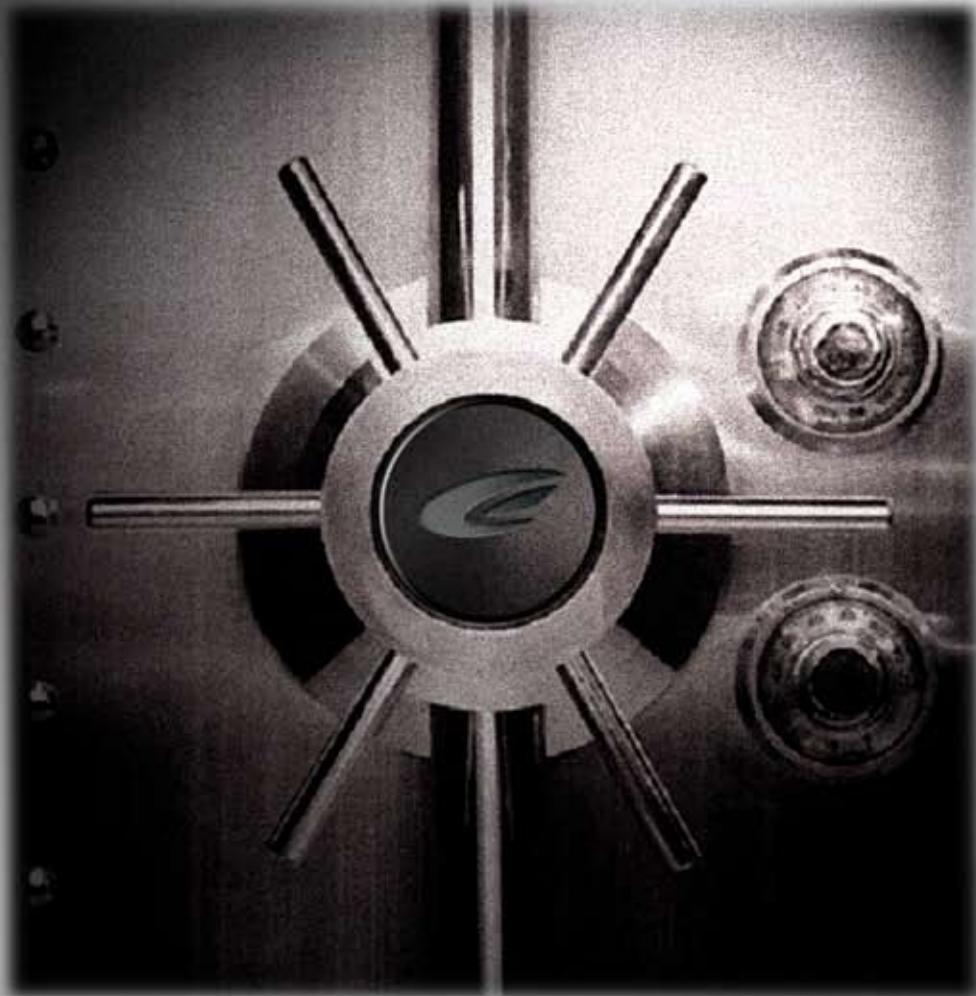
В течение 1901 года художник, доводя себя до изнеможения, работал над «Демоном поверженным». Даже отправив картину на выставку, он иступленно каждый день переписывал огромный холст заново, но так и не смог добиться задуманного: вопреки его намерениям, Демон оказался сломленным и отчаявшимся.

Работа на пределе сил, впрочем, как и постоянное непонимание публики, вечная травля со стороны невежественных критиков, сделали свое дело: у Врубеля развилась психическая болезнь, которая свела его в могилу.

Лишь после смерти художника современники смогли понять и оценить его гениальную прозорливость и новаторство.

Прав был А.Н.Бенуа, когда, сравнивая Врубеля с великими художниками Ренессанса, писал: «В своем полете откуда-то из горных глубин он ударился о суровую, грубую русскую действительность, разбился и рассыпался драгоценными осколками. Он сам был падший прекрасный ангел, для которого мир был бесконечной радостью и бесконечным мучением».

НОННА ЭЛИЗБАРАШВИЛИ

 ბანკი ქართვ
CARTU BANK

СЛАВА НЕ ПОКИНЕТ ТЕБЯ

Справочник звезд мирового спорта называет Надежду Двалишвили (Хныкину) в числе лучших легкоатлетов 50-х годов. Эта краткая и энциклопедически скупая характеристика вместила целую жизнь в большом спорте, откуда она ушла в 25 лет, в расцвете таланта, в гавань семейной жизни, оказавшейся далеко от мирной.

Все началось с июньского дня 1947 года, когда на тбилисском стадионе «Динамо» к тренеру Борису Тахтарову подошла высокая худощавая девушка с огромными серыми глазами, назвалась Надей Хныкиной и попросила разрешения посещать занятия. Приобретение это для группы оказалось золотым. Уже через месяц, на традиционном спортивном празднике школьников по случаю окончания учебного года, ученица 8-го класса 22-й женской школы Надя Хныкина установила рекорд Грузии для девушек младшего возраста в беге на 200 метров. Это был первый рекорд героини Олимпиад в Хельсинки и Мельбурне. А потом они посыпались, как из рога изобилия – всегрузинские, всеюнозные, мировые.

В 1948 году Надя, прыгнув в длину на 5 м 59 см, не только побила в очередной раз всеюнозный рекорд для девушек, но и превысила мастерскую норму. Год спустя она, самый юный тогда в стране мастер спорта, дебютировала в чемпионате СССР и заняла второе место в беге на 200 м, проиграв лишь чемпионке Европы Евгении Сеченовой. Через полтора месяца на соревнованиях сильнейших легкоатлетов страны она,

прыгнув на 5 м 82 см, стала автором самой большой сенсации. 16-летняя Надя сумела обновить всеюнозный рекорд Галины Туровой, остававшийся незабываемым с 1936 года.

Стало очевидно: в спорт пришла звезда первой величины. Легконогую Надю, не колеблясь, включили в сборную команду СССР.

После всеюнозного первенства она в составе советской делегации выехала на международные соревнования в Бухарест, где дважды улучшила рекорд Советского Союза в беге на 100 метров и повторила высшее достижение на 200. В Румынии Надя за три дня выиграла три золотые и одну серебряную медали. Несколько позже, в румынском городе Сталин, бежала в составе женской сборной команды СССР, установившей мировой рекорд в эстафете 4x200 м.

Вернувшись домой в Тбилиси, Надя записала в свой актив еще одно всеюнозное достижение – в беге на 60 м, повторив мировой рекорд.

В олимпийский Хельсинки не по годам именитая спортсменка отправилась в ранге чемпионки страны в беге на обе короткие дистанции, признанным первым номером сборной. Олимпийский ее дебют ознаменовался бронзовой медалью в беге на 200 м, и это было выше всяких похвал, с учетом сравнительно небольшого соревновательного опыта и Надиного возраста. В 1953 году на счету заслуженного мастера спорта из Тбилиси уже четыре медали чемпионки страны в спринтерском беге.

Но не только золото нашла Надя в кипящих чашах

стадионов - в спорте пришла к ней большая любовь, и ею стал прыгун в высоту Анзор Двалишвили. В 1955 году родилась Иринка, и, еще не успев полностью восстановиться, Надя едет в олимпийский Мельбурн, решив попытать счастья в прыжках в длину. Для восстановления скоростных качеств в спринте времени не хватало. Десять посланцев делегировал грузинский спорт на Олимпиаду, восемь вернулись с медалями. Среди них единственная женщина, Надежда Двалишвили, бронзовый призер. Подвиг спортсменки тогда увенчал орден «Знак Почета».

Трудно поверить, но рекорд Грузии в прыжках в длину 6,25 м, установленный ею в 1954 году, не побит до сих пор!

Тренерский стаж выдающейся нашей легкоатлетки, выпускницы Грузинского института физкультуры, начинается свой отсчет с 1948 года. Это годы, отданные воспитанию юной смены в Республиканской школе высшего спортивного мастерства, где она была директором, в системе народного образования, на кафедре Института физкультуры, в школе на Западном участке БАМа, куда последовала за своим мужем, где начальник строительно-монтажного поезда «ГрузстройБАМ» Анзор Двалишвили с супругой, директором школы, в экстремальных условиях суровой тайги умудрялся проводить олимпиады, готовить мастеров спорта. В Ние Грузинской Иркутской области, маленьком уголке Грузии, а потом в поселке Икабья Читинской области, где не выдерживал металл, а люди работали как герои.

Десять лет службы супружеской четы Двалишвили

на БАМе - яркий след в истории легендарной магистрали, о которой сегодня вспоминают разве что в форме анекдотов о бывшем генсеке. И заслуживает она не газетной статьи - отдельной книги. С этой стройки, некогда именуемой стройкой века, отозвали его, талантливого градостроителя, незадолго до распределения обильных чинов и наград.

Но одна из них - премия Совета Министров СССР - нашла Анзора Варламовича. Настигла, как и тайная грозная болезнь, первый натиск которой он испытал в Сибири и ускорившая трагический конец.

Сию я в осиротелой квартире выдающейся грузинской спортсменки и с тяжелым чувством перебираю фотографии семейного альбома, чудом уцелевшие после посещений моих коллег; узнаю чемпионов и не могу избавиться от расхожей фразы об обиде за державу и еще - от стыда за нее. Некоторые имена называет мне Нина, младшая дочь Двалишвили. «А это папа, - слышу, - на стройку уезжал без единого седого волоса, а вернулся, сами видите, каким».

А рядом ее мама, Надежда Павловна, бывшая спортсменка и бывший преподаватель и тренер республиканского физкультурного техникума, почетный динамовец, кавалер ордена Вахтанга Горгасала 3-й степени и медали Чести, и ей тоже с опозданием на месяцы выдают заслуженную пенсию. И смотрим мы оба на фотографию 1953 года в шведской газете, где ее называют русской Офелией и напоминают, что 20-летняя Надежда Хныкина, участвуя в международных соревнованиях по приглашению короля, набрала очков больше любого из семисот участников.

И еще я думаю, как эта мужественная женщина одна умудряется содержать семью из пяти человек... И какой еще путь можно подсказать, какой Мыс Доброй Надежды в жестоком море действительности, какой телемарафон придумать для Нади Двалишвили и ее друзей по спорту, которым также нелегко. А свет не без добрых людей - приходят друзья Анзора Варламовича, ее друзья по спорту.

И встречает их Надежда Павловна, чьи феерические выступления на стадионах мира никогда не изгладятся в памяти любителей спорта.

Недавно фамилия Двалишвили снова появилась в протоколах легкоатлетических соревнований. Это Лика, дочь Нины, начала пожинать плоды своих многолетних тренировок. А ей всего 14 лет. В середине февраля ученица 9а класса тбилисской 158-й средней школы, выступая среди спортсменок младшей группы в зимнем чемпионате Грузии среди взрослых победила сразу в трех видах программы - в прыжках в высоту и длину, барьерном беге на 60 м. В марте, на мемориале грузинской Академии спорта, она превзошла сверстниц, порадовав своего тренера - преподавателя кафедры Академии Иамзе Тогонидзе рекордным прыжком на 5 м 26 см.

Конечно же, меня интересовало мнение о возможностях Лики самого заинтересованного лица - ее бабушки, Надежды Павловны Двалишвили.

- Лика начала заниматься легкой атлетикой с де-

вяти лет, а я, как известно, в 14. Лику добросовестная и очень трудолюбивая, за все годы не пропустила ни одного занятия. Многое теперь зависит от нее самой, как она реализует себя. Но, конечно, не все. В настоящее время эта очень одаренная девочка не получает никакой материальной помощи от спортивных организаций. В 1947 году, когда я пришла в группу Бориса Тахтарова, условия для занятий спортом и в целом жизненные условия были лучше, а ведь это были труднейшие послевоенные годы. Но я верю в Лику...

ИМЯ

Живешь как умеешь, не хныкая,
Хотя о тебе все забыли.
Я помню тебя как Хныкину,
Надежда Двалишвили.

Легендой тех лет овечьей
В воспоминаньях храня.
Прозвали тебя Офелией,
Гостью шведского короля.

Стареешь в кругу внуков,
Дочек одна подняв.
Целовали тебе руки,
Чемпионка вчерашнего дня.

От тоски никуда не скроешься,
Мужа в тайге потеряв.
А слава, как седина в волосы,
Не покинет тебя.

АРСЕН ЕРЕМЯН

АФК «СИСТЕМА» – КРУПНЕЙШАЯ В РОССИИ И СНГ ПУБЛИЧНАЯ ДИВЕРСИФИЦИРОВАННАЯ КОРПОРАЦИЯ, ВЛАДЕЮЩАЯ И УПРАВЛЯЮЩАЯ ПАКЕТАМИ АКЦИЙ КОМПАНИЙ БЫСТРОРАСТУЩИХ СЕРВИСНЫХ СЕКТОРАХ ЭКОНОМИКИ

«Наш бизнес – растущий бизнес»

В настоящее время в портфеле АФК «Система» сосредоточены наиболее перспективные активы в таких отраслях как телекоммуникации, высокие технологии, страхование, недвижимость, банковский сектор, розничная торговля и масс-медиа.

Крупнейший оператор мобильной связи МТС предоставляет услуги 58,2 млн абонентам в России, Украине, Белоруссии, Узбекистане и Туркменистане.

«Концерн Ситроникс» объединяет ведущие высокотехнологичные предприятия электронной промышленности Российской Федерации.

Региональная сеть страховой компании РОСНО состоит из 100 филиалов, которые обслуживают более 7 млн людей и 50 000 предприятий по всей России.

ЗАО «Система-Галс» – одна из ведущих девелоперских компаний на рынке недвижимости, специализация которой позволяет комплексно подходить к реализации всех стадий проекта – от формирования идеи и разработки проекта до строительства и последующей эксплуатации объекта.

Компания «Детский мир» управляет не только знаменитым детским универмагом в Москве, крупнейшим в Европе, но и еще 45 магазинами в Москве, Санкт-Петербурге, Казани и 13 российских городах.

АФК «Система» концентрирует финансовые, интеллектуальные и управленческие ресурсы для развития высокотехнологических отраслей России.

В корпорации работает около 80 000 человек во всех регионах страны – от Калининграда до Дальнего Востока. Более 100 промышленных, финансовых и торговых предприятий, входящих в корпорацию, работают в интересах российского общества.

ОАО АФК «Система»:
125009 Москва, Леонтьевский пер, 10.
Тел: (495) 629-06-00, факс: (495) 232-33-91
<http://www.sistema.ru>
<http://www.sistema.com>

გაერთიანებული ქართული ბანკი
UNITED GEORGIAN BANK

Address: 14 Chanturia Str. Tbilisi, 0102 Georgia
Telephone: (+ 995 32) 505-505
Fax: (+ 995 32) 505-500
E-mail: admin@ugb.com.ge
Internet: www.ugb.ge